

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

A romantic couple is shown in a close embrace. The woman, with blonde hair styled in a bun, wears a black backless dress with gold-colored decorative elements along the spine. The man, with dark hair and a beard, wears a black tuxedo jacket over a white shirt. They are standing in what appears to be a high-end boutique or hotel lobby, with racks of elegant dresses visible in the background. A large, draped red velvet fabric with gold-colored decorative elements is in the foreground. In the far background, a city skyline with illuminated skyscrapers is visible at night.

ГЛЯНЕЦ
И
КОГТИ

Таисия Логовская

Глянец и Когти

<https://litres.ru/73268903>

SelfPub; 2026

Аннотация

В первый рабочий день в модном доме Auroга Ева Соколова получает не приветствие, а катастрофу: ключевое платье разрезано перед самой съёмкой. Она спасает его золотым швом — и неожиданно получает шанс, которого ждала слишком долго.

У Auroга есть тридцать дней, чтобы выиграть важный контракт и избежать продажи конкурентам. Но кто-то внутри компании сливает эскизы, уничтожает коллекцию и пытается сделать с Евой то, что с ней уже однажды сделали, — украсть её авторство.

А рядом снова появляется Марк Левицкий — фотограф, который снимал ту самую украденную коллекцию. Он не крал её эскизы. Он сделал хуже: понял, что происходит, и промолчал.

Теперь у них общий дедлайн, общий враг и слишком много причин не доверять друг другу.

В мире глянца шрамы принято прятать. Ева собирается сделать их своим главным оружием.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	86
Глава 8	100
Глава 9	111
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Глянец и Когти

Глава 1

В отделе кадров пахло свежей краской, дешевым растворимым кофе и чужой паникой.

Я сидела на жестком пластиковом стуле в приемной на четвертом этаже исторического особняка на Большой Никитской, держа на коленях тонкую кожаную папку с подписанным договором. Месячный испытательный срок в качестве приглашенного старшего дизайнера. Тридцать дней, которые должны были стать моим возвращением в профессию после полутора лет выживания на разовых технических заказах, чужих каталогах и безымянных лекалах.

Полтора года назад мою дебютную коллекцию украли. Не метафорически — буквально: файлы, образцы, сигнальные образцы и три месяца бессонных ночей вышли под чужим логотипом, на чужом показе, пока я смотрела трансляцию на экране дешевого ноутбука и понимала, что мое имя вычеркнуто из индустрии одним щелчком чужих связей. Все это время я гасила ипотеку за крошечную «однушку» на окраине, бралась за любую работу руками и ждала момента, когда смогу войти в нормальный цех не тенью, а автором.

«Аврора» была этим шансом. Старый модный дом с легендарным именем, огромными архивами и очевидными фи-

нансовыми трещинами, но все еще живой. Меня нанимал Роман Воронов — креативный директор, который видел мои независимые эскизы, знал, на что я способна в конструкции, и обещал отдать под мое руководство новую тестовую капсулу, способную перезапустить линейку бренда.

— Ева Дмитриевна? — Девушка-секретарь с бейджем «Алина» выглянула из-за стеклянной перегородки. Пальцы у нее мелко дрожали, выбивая дробь по краю планшета. — Вы... подождите еще немного. У нас тут форс-мажор.

— Роман опаздывает? — спросила я, стараясь говорить максимально ровно.

Алина нервно сглотнула и отвела взгляд.

— Романа Сергеевича больше нет в компании. Совет директоров отстранил его сегодня ночью. Приказ подписан в два часа ночи.

Воздух в приемной словно стал гуще. Я почувствовала, как внутри все стянуло в тугую, холодный узел.

— Что это значит для моего контракта? — спросила я, не двигаясь с места.

— Юридически он зарегистрирован, — быстро забормotala Алина, пряча глаза в экран. — Но функционал... Регина Сергеевна сейчас принимает дела. Она решает, какие позиции заморозить. Вам лучше посидеть здесь. Или прийти в конце недели, когда совет согласует новую структуру. Если согласует.

«Прийти в конце недели». На языке корпоративных веж-

ливых отказов это означало: идите домой, положите договор на полку, ждите звонка, которого не будет, а через месяц получите уведомление о расторжении по соглашению сторон без единого сшитого платья. И снова возвращайтесь к чужим эскизам за копейки, считая дни до следующего платежа банку.

Я медленно поднялась.

— Где сейчас Регина Сергеевна?

— В съемочном павильоне внизу, но туда нельзя! — испуганно пискнула Алина. — Там съемка стартового тизера для прессы, все на нервах, там скандал...

Я не стала слушать дальше. Поправила ремень сумки и толкнула тяжелую дверь лестничного пролета.

Ждать милости в приемной я уже пробовала полтора года назад. Это закончилось тем, что чужой человек стоял под аплодисментами на подиуме, а я искала деньги на оплату процентов по кредиту. Если мой контракт здесь собирались аннулировать до первого рабочего часа, я хотела услышать это глядя в глаза человеку, который держит нож.

Съемочный павильон «Аврора» располагался в цокольном этаже бывшего каретного сарая — огромное пространство с арочными кирпичными сводами, выкрашенными в матовый графит.

Здесь пахло нагретым металлом осветительных приборов, лаком для волос, отпаривателями и тем специфическим электрическим напряжением, которое повисает на площадке

за десять минут до катастрофы.

В центре зала, под перекрестным огнем двух мощных софтбоксов, стоял белый подиум. Вокруг него метались ассистенты, стилисты и гримеры. Возле рейлов с вещами стояла высокая темноволосая женщина в безупречном графитовом костюме свободного кроя. Регина Орловская. Дочь основателя дома Сергея Орловского, его публичное лицо, директор по связям с общественностью и теперь — судя по ночным новостям — вынужденный временный руководитель всего бренда.

— Я не спрашиваю, как это произошло! — голос Регины звенел от сдерживаемой ярости, но в нем слышалась опасная тонкая вибрация. — Я спрашиваю, почему через тридцать минут эмбарго на релиз снимается, «Дюран» в Париже открывает рассылку, а у нас на манекене висит тряпка?!

На манекене в центре круга света было надето ключевое платье тизера.

Темно-изумрудный, почти черный шерстяной креп тяжелого, текучего плетения, со сложным косым кроем и асимметричной драпировкой по правому бедру. Точнее, оно должно было быть асимметричным.

Сейчас левый бок платья — от проймы вниз через всю талию до самого бедра — был распорот.

Я подошла ближе, оставляя в тени за стойками со светом. Мой взгляд профессионально, почти машинально впился в ткань.

Это не был разошедшийся фабричный шов. Это не была оторванная молния или лопнувшая от натяжения нить.

Ткань была разрезана. Чистый, идеально прямой срез под углом в сорок пять градусов, сделанный острым портновским роликовым ножом или скальпелем. Лезвие прошло точно по косой нити, мгновенно разрушив натяжение всей конструкции. Тяжелый креп обвис уродливым лоскутом, обнажая белую техническую подкладку манекена.

— Мы можем взять дубль? — требовательно бросила Регина в сторону темного угла, где за монитором плейбека стоял мужчина.

— Дублирующее платье не готово, его только закололи в ателье, — отозвалась немолодая женщина в сером рабочем фартуке, с игольницей на запястье — судя по всему, технолог цеха. — Там нет посадки. На живую модель его не надеть.

— Тогда поверните модель правым боком! — Регина повернулась к фотографу. — Снимите профиль, возьмите крупный план ворота, а остальное дотянем на ретуши! Мы не можем сорвать публикацию!

Мужчина у монитора опустил камеру.

Ему было на вид около тридцати трех. Черный рабочий лонгслив с закатанными рукавами, жесткие черты лица, короткая темная щетина и отчетливый тонкий шрам, рассекающий левую бровь. Он двигался скупой и уверенно, словно пространство павильона принадлежало ему целиком.

Марк Левицкий. Я узнала его имя мгновенно — независи-

мый fashion-фотограф первой лиги, чьи снимки отличались жестким, бескомпромиссным светом и почти хирургической четкостью фактуры.

— Нет, — произнес Марк. Голос у него был сухой, негромкий, но перекрыл весь шум площадки.

Регина замерла.

— Что значит «нет»?

— Это значит, что я не буду снимать мусор, — спокойно ответил Левицкий, даже не повысив тона. — Это платье держится на балансе левой и правой диагонали. Если я сниму только правый бок, силуэт превратится в мешок. Если мы снимем крупный план ворота, «Дюран» увидит воротник, а не концепцию новой капсулы. А ретушировать дыру в тридцать сантиметров на живом движении ткани — это уровень регионального каталога штор, а не дома «Аврора». Вы наняли меня не для того, чтобы я мазал мылом чужую халтуру.

— Левицкий, у нас график! — Регина шагнула к нему, сжимая кулаки. — Журналисты ждут первый кадр в одиннадцать! Байеры «Дюран» ждут подтверждения стиля! Если мы ничего не выложим, в полдень все напишут, что после ухода Воронова бренд парализован!

— Значит, вы парализованы, — Марк положил тяжелую камеру на кофр и скрестил руки на груди. — Замазывать ложь я не стану. Давайте сюда вещь, которая работает в кадре, или объявляйте перенос.

— Перенос невозможен! — вскрикнула Регина. — Лена,

зашейте этот чертов бок! Невидимым швом, изнутри, прямо сейчас!

Технолог с игольницей подошла к манекену, взяла края разреза и покачала головой:

— Регина Сергеевна, шерстяной креп по косой. Если я сейчас стяну края потайным швом, ткань перекосит. Пойдет волна по подолу, спина уедет на три сантиметра вверх. В статике, может, и постоит, но как только модель сделает шаг — шов стянет грудь. Это будет выглядеть как заштопанный мешок.

— У нас есть двадцать минут! — в голосе Регины уже сквозила откровенная паника. — Делайте что угодно!

Я смотрела на этот разрез и чувствовала, как в висках начинает стучать ровный, холодный ритм.

Моя левая рука привычно скользнула в боковой карман сумки, нащупывая рабочий инструмент. Маленькие складные японские ножницы, тонкий металлический распарыватель, набор зажимов. Привычка, выработанная годами черновой работы: никогда не выходить в цех без базы.

Я могла промолчать. Развернуться, уйти на улицу, дожидаться официального уведомления об увольнении, получить компенсацию за две недели и начать рассылать резюме по мелким сетевым брендам масс-маркета. Смириться с тем, что моя профессиональная жизнь во второй раз разбилась о чужой кризис.

Или я могла войти в эту драку прямо сейчас.

Я вышла из тени осветительных стоек и шагнула к подиуму.

— Невидимый шов здесь не поможет, — громко сказала я.

На площадке на секунду стало тихо. Обернулись все: ассистенты, гример с кистью в руке, Лена-технолог, Регина и Марк Левицкий.

Регина смерила меня ледяным взглядом с головы до обуви — строгие темные брюки, простая серая рубашка, мягкие замшевые лоферы без каблука, удобные для многочасовой работы на ногах.

— Вы кто еще такая? — процедила она. — Студия закрыта. Посторонним...

— Ева Соколова. Приглашенный старший дизайнер по контракту от сегодняшнего числа, — четко произнесла я, не опуская взгляда. — Роман Воронов подписал моё назначение вчера вечером.

Регина скривила губы в горькой усмешке:

— Воронов больше здесь ничего не решает. Можете идти в кадры за расчетом. Нам сейчас не до стажеров.

— Если вы попытаетесь спрятать этот разрез, вы потеряете кадр, — продолжила я, даже не шелохнувшись. — Креп натянут по диагонали. Любая попытка замаскировать дыру потайным швом стянет баланс полочки. Платье потеряет динамику, модель в кадре будет выглядеть кривобокой, а на рендере ткань ляжет буграми. Фотограф прав: свет сразу покажет натяжение.

Марк у монитора чуть приподнял бровь со шрамом, внимательно глядя на меня.

— И что ты предлагаешь, умница? — с неприкрытым сарказмом спросила Регина. — Выбросить образ?

— Нет. Сделать разрез частью конструкции.

Я подошла к манекену вплотную. Лена инстинктивно отступила на полшага, уступая мне пространство.

Я провела пальцами вдоль краев разреза. Ткань была плотной, благородной, с легким зернистым отливом. Чистый порез шел от нижнего ребра к тазовой кости.

— Если рану нельзя спрятать, ее нужно подчеркнуть, — сказала я, глядя прямо на Регину. — Японская техника кинцуги. Когда разбитую чашу склеивают золотым лаком, не скрывая трещин, а делая их главным достоинством вещи. Нам не нужен потайной шов. Нам нужен акцентный конструктивный стык.

— Что за бред... — начала Регина, но Марк внезапно перебил ее:

— Покажи.

Он подошел ближе. От него пахло холодным утренним воздухом, табаком и крепким эспрессо. Взгляд серых глаз был цепким, оценивающим. Он смотрел не на меня — он смотрел на мои руки и на ткань.

— У вас есть золотая металлизированная нить для отделки пальто? Тяжелый крученный шнур или сутаж? — быстро спросила я, поворачиваясь к Лене.

— Есть, — растерянно кивнула технолог. — В раскройном чемодане осталась бобина металлизированного шелка и золотая латунная проволока для каркасов шляп...

— Несите. И тонкий флизелин на клеевой основе, утюг и крупную иглу для ручной вышивки.

— Подождите! — Регина сделала шаг вперед. — Я не давала разрешения уродовать прототип!

— Он уже изуродован, — я посмотрела ей прямо в глаза. — У вас осталось шестнадцать минут. Вы можете потратить их на увольнение меня и скандал с прессой. Либо через пятнадцать минут у вас будет кадр, который покажет не беспомощность «Аврора», а дерзость. Выбирайте.

Регина замолчала. В ее взгляде боролись уязвленная гордость и жесткий практический расчет пиарщика. Она понимала, что без кадра провал будет окончательным и публичным.

— Пятнадцать минут, Соколова, — отчеканила она. — Если это будет выглядеть как поделка из кружка кройки и шитья, вы вылетите отсюда с волчьим билетом по всей Москве.

— Договорились.

Время сжалось в одну звенящую точку.

Я скинула жакет, закатала рукава серой рубашки и перехватила волосы зажимом. Лена выложила на рабочий стол рулон золотого шнура, металлизированную нить и инструменты.

Я действовала левой рукой — быстро, без лишних движений, подчиняясь мышечной памяти сотен часов конструирования.

Сначала — стабилизация. Если просто стянуть края шнуром, креп поползет дальше. Я аккуратно проклеила изнанку тончайшей полоской дублерина, зафиксировав срез от осыпания.

Затем — геометрия. Разрез шел наискосок. Я не стала смыкать края встык. Напротив: я зафиксировала расстояние между ними ровно в полтора сантиметра, создав искусственную щель, обнажающую геометрию тела под платьем.

— Держи натяжение здесь и здесь, — скомандовала я Лене. Технолог, забыв о субординации, послушно вцепилась пальцами в ткань.

Я вдела в толстую иглу двойную нить тяжелого золотого шелка, армированного тонкой латунной проволокой.

Крупный, графичный крестообразный стежок. Первый укол — фиксация у верхнего края, у самого ребра. Второй — перекрестье через разрез. Золотая нить легла на темно-изумрудный креп с резким, агрессивным металлическим блеском.

Я не прятала узелки. Я выводила их наружу, формируя ритмичный, жесткий ряд металлических скреп — словно ткань не сшили, а стянули золотыми скобами, останавливая разрыв.

— Модель на подиум, — не оборачиваясь, бросила я в

зал. — Надеваем прямо на нее, финальные стежки сделаю по телу.

Высокая смуглая модель — Даша, одна из постоянных манекенщиц дома — осторожно ступила на подиум. Мы надели платье. Я опустилась на колено перед ней, чувствуя холод бетонного пола сквозь ткань брюк.

Пальцы работали уверенно и точно. Снизу вверх, удерживая баланс натяжения. Золотой шов оживал, принимая изгиб женского тела. Он больше не выглядел аварией. Он выглядел как вызов — обнаженная, зафиксированная золотом линия силы, перечеркивающая академическую гладкость классического кроя «Аврора».

— Свет, — не поднимая головы, сказала я. — Мне нужен контровой луч на левый бок. Нить должна работать как лезвие.

Марк уже был на площадке. Он не стал спорить. Подошел к стойке, сдвинул отражатель, переставил тубус узкого спота, направив жесткий, холодный луч точно на левое бедро модели.

Металл в шве вспыхнул. Темный креп мгновенно провалился в глубокую бархатную тень, а золотой зигзаг разреза зажегся яростной, отчетливой линией.

— Последний стежок, — я затянула узел у бедра, обрезала нить ножницами и поднялась на ноги. Пальцы покалывало от натяжения проволоки. — Готово.

Марк поднял камеру к глазам.

— Даша, корпус на три четверти вправо, подбородок выше, левое плечо назад. Смотри в объектив, как будто тебе только что предложили сдаться, а ты посмеялась.

Щелчок затвора. Еще один. Перезарядка импульсного света. Вспышка. Снова щелчок.

В тишине павильона звук работающей камеры звучал как автоматная очередь. Модель двигалась плавно, и с каждым движением золотой шов натягивался и играл светом, собирая силуэт воедино. Он не расползлся. Он держал всю конструкцию платья.

Марк опустил камеру, подошел к контрольному монитору и нажал клавишу просмотра.

На большом экране с высоким разрешением появился первый кадр.

Темно-изумрудная ткань казалась почти черной, строгой и недостижимой. Но вдоль всего левого бока тянулся яростный, графичный золотой шрам — дерзкий, плотоядный, превращающий классическое вечернее платье в манифест непокорности. Это было свежо, опасно и невероятно дорого.

Регина стояла у монитора, не мигая глядя на экран. Ее пальцы медленно разжались.

— Отправляйте в верстку, — негромко сказала она ассистенту. — Первый тизер готов. Заголовок: «Аврора. Новая линия силы».

Она повернулась ко мне. В ее глазах больше не было высокомерного пренебрежения, но не появилось и тепла. Это

был взгляд руководителя, который увидел работающий инструмент.

— Ваш контракт остается в силе, Соколова, — произнесла Регина ровным, профессиональным тоном. — Разговор о тестовой капсуле состоится сегодня в два часа дня у меня в кабинете. Не опаздывайте.

Она развернулась на каблуках и стремительно вышла из павильона, уводя за собой пиар-группу.

Я перевела дыхание. Плечи наконец опустились. Первый раунд был выигран. Я не позволила выбросить себя за дверь в первый же час.

— Неплохая работа руками, — раздался сзади сухой голос.

Я обернулась. Марк Левицкий стоял в двух шагах, убирая кабель синхронизатора в кофр. На его лице не было улыбки, но шрам на брови чуть приподнялся.

— Спасибо за свет, — ответила я так же сухо. — Без акцента на металл он бы потерялся.

— Без нормального шва там нечего было бы освещать, — он застегнул молнию на сумке и посмотрел мне прямо в глаза. — Только учти, Соколова: здесь тебе придется штопать дыры каждый день. Этот дом трещит по швам уже полгода.

— Я не штопаю дыры, Левицкий, — ответила я. — Я строю вещи.

Он коротко усмехнулся углом рта, ничего не ответил и зашагал к гримерной.

Я подошла к рейлам в дальнем углу павильона, чтобы забрать свой жакет и сумку.

Возле стены на напольной вешалке висели в плотных матовых чехлах остальные вещи сегодняшней смены — запасные блузы, брюки и второй вечерний образ, который должны были доснять во второй половине дня.

Я машинально потянулась к черному чехлу второго платья, чтобы проверить маркировку ткани.

Моя рука замерла.

Плотная непромокаемая синтетика чехла на уровне грудины была прорезана насквозь.

Я медленно расстегнула молнию и заглянула внутрь.

Под рассеченным пластиком лежало второе платье — серебристо-серый шелковый жаккард. Ровно посередине левого плеча, разрубая сложную драпировку горловины, темнел такой же идеально ровный, чистый разрез длиной в двадцать сантиметров. Сделанный тем же инструментом, с тем же нажимом и тем же холодным расчетом.

Это не было случайностью. Это не было неосторожностью пьяного ассистента или спешкой костюмера.

Кто-то целенаправленно, методично уничтожал вещи прямо перед выходом в кадр.

— Не трогайте ткань руками, Ева Дмитриевна.

Я вздрогнула и обернулась.

Позади меня стояла женщина лет сорока пяти в строгом темно-синем костюме с идеальной укладкой и планшетом в

руках. Ирина Валерьевна Бельская, исполнительный директор «Аврора». Я видела ее фото в материалах о компании: операционный мозг модного дома, человек, держащий в руках все внутренние процессы.

Она подошла ближе, подняла планшет и сделала три четких снимка поврежденного чехла и разрезанного шелка.

— Значит, и второй тоже, — констатировала она без тени удивления в голосе.

— Вы знали? — спросила я.

Ирина опустила планшет и посмотрела на меня тяжелым, уставшим взглядом:

— Я предполагала. Роман Воронов ушел не сам, Ева. Совет директоров расколот. Финансовая группа во главе с Виктором Смолиным уже три месяца готовит продажу «Аврора» нашему главному конкуренту — холдингу «Веритас». Основатель, Сергей Петрович, после инсульта не может вести дела, а Регина... Регина отличный пиарщик, но она не способна в одиночку удержать производство и создать коллекцию с нуля.

Она заблокировала экран планшета.

— Меньше чем через месяц в Москву прилетает закупочная группа международного байера «Дюран». Условие совета директоров предельно простое: если по итогам финального показа «Дюран» подписывает с нами рамочный контракт и дает гарантированный минимальный заказ на новую капсулу — продажа компании снимается с повестки дня. Мы

получаем финансирование и остаемся независимыми. Если показа не будет или байеры откажутся от контракта — через тридцать дней «Аврора» перестанет существовать как самостоятельный дом и перейдет под контроль «Веритас».

Слова упали тяжело, как камни в холодную воду.

«Веритас». Конкурент, которому отошла украденная у меня коллекция полтора года назад. Тот самый холдинг, где теперь процветал человек, разрушивший мой первый старт.

— Разрезы на платьях — это не хулиганство, — тихо сказала я.

— Это саботаж, — подтвердила Ирина. — Кому-то внутри компании жизненно необходимо, чтобы мы не дожили до показа. Чтобы провал выглядел естественным, неизбежным и коммерчески оправданным. Чтобы совет директоров единогласно проголосовал за ликвидацию и поглощение.

Она сделала шаг ближе и посмотрела на меня в упор:

— Вы спасли сегодняшнее утро, Ева. Но не обольщайтесь: тридцать дней — это не срок для создания коллекции. Это таймер до взрыва. Если вы примете капсулу в два часа дня, вас попытаются уничтожить вместе с ней. Вы готовы войти в эту войну?

Я посмотрела на изуродованный шелк в чехле, затем перевела взгляд на свои руки, на которых еще оставались следы золотой проволоки.

Полтора года я пряталась от этой войны, надеясь, что смогу просто тихо шить одежду в безопасном углу. Безопасных

углов не существовало.

— Я готова, — ответила я. — Готовьте документы на капсулу.

Глава 2

В два часа дня кабинет креативного руководства на третьем этаже напоминал штаб перед неизбежной осадой.

Здесь не было творческого беспорядка, привычного мне по прежним студиям: ни разбросанных обрезков шелка, ни вороха эскизов на полу, ни запаха свежей постели. Огромный стол из темного полированного дуба оставался стерильно чистым, если не считать трех закрытых ноутбуков, стопки финансовых папок в плотных кожаных переплетах и тяжелой хрустальной пепельницы, в которой никто не курил. С высоких арочных окон открывался вид на внутренний двор особняка, затянутый плотной сентябрьской моросью.

Я вошла ровно в четырнадцать ноль-ноль.

В кабинете уже были все.

Регина сидела во главе стола в кожаном кресле с высокой спинкой. Она сменила утренний графитовый жакет на строгий шелковый смокинг цвета горького шоколада, безупречно сидевший в плечах, и теперь методично листала ленту отраслевых новостей на планшете. Утренний скандал в павильоне словно испарился из ее памяти: на безупречном лице застыла маска абсолютной, выверенной уверенности.

Справа от нее, раскрыв рабочий органайзер с графиками и диаграммами, сидела Ирина Бельская. Она коротко кивнула мне — сдержанно, по-деловому, без намека на наш утрен-

ний разговор в полумраке съемочного павильона у разрезанного платья.

У окна, прислонившись плечом к дубовой раме, стоял Марк Левицкий. Он успел переодеться в сухой темный свитер крупной вязки, но в руках держал ту же рабочую флеш-карту в защитном пластиковом чехле. Его присутствие здесь казалось лишним для сугубо административного совещания, но Марк стоял с видом человека, которого мало волнует чужой регламент.

А по левую руку от Регины сидел мужчина лет сорока в безукоризненном темно-сером костюме-тройке из тончайшей шерсти с едва различимой меловой полоской.

Виктор Павлович Смолин. Финансовый директор «Аврора» и официальный представитель пула внешних инвесторов.

У него были гладко зачесанные назад светлые волосы с легкой проседью на висках, тонкие золотые часы на левом запястье и мягкие, почти вкрадчивые манеры человека, привыкшего решать вопросы не криком, а движением бюджетных строк. Он аккуратно снял очки в тонкой титановой оправе, положил их на папку и посмотрел на меня с вежливой, обнадеживающей улыбкой.

— Проходите, Ева Дмитриевна. Присаживайтесь, — произнес Смолин приятным, поставленным баритоном. — Мы как раз обсуждали утренний релиз. Пиар-отдел докладывает о феноменальном интересе к первому кадру. Девяносто во-

семь публикаций за первые два часа, международные агрегаторы подхватили снимок. Регина Сергеевна проявила исключительную смелость, выпустив образ в таком виде.

Я села на свободный стул напротив Смолина, положив руки на стол.

— Утренний образ спас не пиар-отдел, Виктор Павлович, — ровно сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Его спасла ручная стабилизация разрезанного по косой полотна и три метра латунной проволоки.

Регина медленно подняла глаза от планшета. В ее взгляде мелькнуло раздражение, но спорить в присутствии финансового директора она не стала.

— Это уже детали процесса, Соколова, — холодно парировала Орловская. — Рынок видит результат. Результат сработал. Но один тизер — это не контракт. Мы здесь для того, чтобы определить, как «Аврора» проживет следующие четыре недели.

— И проживет ли вообще, — добавила Ирина Бельская, поворачивая экран своего ноутбука так, чтобы его видели все. — Перейдем к фактам. После ночного решения совета директоров об отстранении Воронова у компании остался один-единственный юридический коридор. Совет зафиксировал условие: через тридцать дней, на закрытом показе в Москве, мы обязаны представить международной закупочной группе «Дюран» полноценную коммерческую капсулу. Если глава закупочной команды Клара Мартен подтвержда-

ет интерес и подписывает рамочное соглашение с гарантированным минимальным объемом выкупа — продажа бренда холдингу «Веритас» снимается с голосования. Совет выделяет стабилизационный кредит, и мы сохраняем независимость.

— А если Мартен не подписывает? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Тогда тридцатого числа в двадцать один ноль-ноль совет директоров принимает безотзывную оферту группы «Веритас», — спокойно, без тени эмоций ответил Смолин. — «Аврора» переходит под управление их креативного департамента, операционная деятельность здесь сворачивается, производственные площади консервируются, а бренд встраивается во вторую линию их холдинга. Все предельно прозрачно и экономически оправданно.

Он говорил об уничтожении старейшего модного дома с той же мягкой интонацией, с какой клерки сообщают об изменении банковского тарифа. Никакой злости. Только чистая, выверенная бухгалтерия ликвидации.

— Именно поэтому, — продолжил Смолин, слегка наклоняясь вперед и складывая пальцы домиком, — мы не имеем права на авантюры. Эксперименты с «золотыми швами» и проволокой хороши для разового сетевого шума. Но международные байеры мыслят тиражами, размерной сеткой и себестоимостью. Мое предложение совету и Регине Сергеевне предельно простое и безопасное.

Он выдвинул из стопки плотный матовый буклет и раскрыл его передо мной.

На глянцевах страницах были представлены архивные хиты «Аврора» пятилетней давности: классические приталенные жакеты с баской, гладкие пальто из кашемира с меховыми воротниками, традиционные шелковые платья-футляры с симметричной вышивкой. Коллекция «Северное сияние» — последний крупный коммерческий успех дома, созданный еще при полном здоровье основателя Сергея Орловского.

— Мы берем проверенную базу, — мягко пояснил Смолин. — Перерабатываем лекала под современные ткани, слегка освежаем цветовую палитру — убираем сложный крой, заменяем проблемную ручную отделку на машинную, снижаем издержки на тридцать процентов. Никаких рисков, никакой конструктивной экзотики. Безопасная, понятная классика. Байеры «Дюран» увидят солидный дом с богатой историей, а совет директоров получит предсказуемую смету.

Регина на секунду замялась. Я видела, как в ней шевельнулся соблазн согласиться. Пойти по пути наименьшего сопротивления, спрятаться за отцовские старые силуэты и переложить ответственность на архив.

— Это план капитуляции, — сказала я вслух.

В кабинете повисла тишина. Марк у окна едва заметно усмехнулся и опустил флешку в карман.

Смолин не нахмурился. Он лишь чуть шире раскрыл глаза, выражая вежливое удивление:

— Поясните, Ева Дмитриевна. Вы считаете наследие Сергея Петровича капитуляцией?

— Я считаю капитуляцией попытку продать парижскому байеру нафталин пятилетней давности, — жестко ответила я. — Я изучала профиль закупок «Дюран». Клара Мартен не летает в Восточную Европу за базовыми приталенными жакетами. Базу они закупают в Италии и Португалии по отработанным десятилетиями контрактам. Если «Дюран» смотрит в сторону «Аврора», им нужна отличимая авторская идентичность, которую невозможно спутать с каталогом миланского универмага. Если мы покажем им стерилизованную копию старого хита, Мартен закроет лукбук на третьем образе. И через тридцать дней вы с чистой совестью подпишете протокол о передаче компании «Веритас», объявив, что «рынок просто не принял традиционные ценности».

Глаза Смолина на долю секунды сузились. Вежливая маска натянулась чуть плотнее.

— У вас очень категоричные суждения для человека, чей испытательный срок начался шесть часов назад, Соколова.

— Мой контракт предусматривает руководство тестовой капсулой, — я перевела взгляд на Ирину и Регину. — Я готова взять эту ответственность. Но не на условиях безопасного копирования чужих старых успехов.

Регина выпрямилась в кресле. Задетое самолюбие дочери

основателя перевесило осторожность:

— «Аврора» никогда не была копией. Мы не станем торговать пылью из запасников.

— Прекрасно, — подхватила Ирина, мгновенно фиксируя позицию Регины в протоколе. — В таком случае мы утверждаем структуру проекта. Ева Соколова назначается ведущим дизайнером специальной капсулы перезапуска. Объем коллекции — ровно двенадцать ключевых образов. Полный ансамбль: четыре дневных пальтово-костюмных блока, четыре сложных дневных платья и четыре вечерних кутюрных выхода, завершающих линию.

— Двенадцать образов за тридцать дней? — Смолин покачал головой с легким вздохом разочарования. — При наших производственных мощностях и разорванных цепочках поставок? Это чистое безумие. Вы сожжете весь операционный резерв.

— Мы утвердим жесткий календарь, — отрезала я. — Но у меня есть три обязательных условия, без которых я не подпишу ни одно производственное распоряжение.

— Вы ставите условия совету? — бросил Смолин.

— Я ставлю условия себе, чтобы не стать виноватой в чужой некомпетентности, — ответила я. — Первое: прямой, неограниченный доступ к физическому и цифровому архиву «Аврора», включая закрытые образцы тканей и технологические карты десятилетней давности. Второе: жесткая система поэтапных согласований. Все утверждения эскизов, поса-

док и закупки материалов фиксируются письменно, с двойной подписью — моей и Регины Сергеевны. Никаких устных правок «на глазок» и никаких изменений лекал за моей спиной. И третье: ателье работает напрямую по моим техническим пакетам без посредников из финансового контура.

Смолин медленно постучал подушечками пальцев по столешнице.

— Письменные согласования замедлят процесс, Ева Дмитриевна. В моде важна гибкость.

— В моде важна персональная ответственность, — парировала я. — Если платье треснет по шву на показе, я хочу точно знать, кто именно вносил в него изменения.

Ирина кивнула:

— Условия разумные и снижают операционные риски. Я внесу их в дополнительное соглашение к контракту. Теперь по графику.

Она развернула перед нами официальный график, заверенный штампом секретариата «Дюран».

— Бриф Клары Мартен предельно строг, — произнесла Ирина. — Мы работаем в рамках заранее установленного окна закрытого предпоказа: дни с двадцать второго по двадцать седьмой от сегодняшней даты. Рабочая дата визита делегации «Дюран» — день двадцать седьмой. Однако в соглашении есть пункт: если вокруг бренда обостряются патентные споры или возникает угроза недобросовестного заимствования, закупочная команда оставляет за собой право сместить

предпоказ на самый ранний слот внутри окна — на двадцать второй день. Это значит, что первый полностью готовый носимый прототип центрального блока должен быть на манекене не позднее четырнадцатого дня.

Четырнадцать дней на концепцию, лекала, закупку, раскрой и первую чистую сборку. В нормальном модном доме на этот этап уходит от трех до пяти месяцев. У нас было две недели.

— А что с визуальной частью? — Регина повернулась к Левицкому. — Нам нужна полноценная имиджевая кампания параллельно с пошивом. Лукбук, видеоарт для проекций на показе, тизеры для байеров. Марк, ваш контракт заканчивается на этой неделе?

Смолин тут же оживился:

— Кстати, о бюджетах. Услуги господина Левицкого обходятся компании в круглую сумму. Мы могли бы привлечь штатных фотографов из молодежного пула «Веритас» или нанять независимое агентство по субподряду...

— Вы не можете привлечь субподряд, Виктор Павлович, — Марк впервые за все совещание оторвался от рамы окна и сделал шаг к столу. Голос его звучал лениво, но в нем отчетливо слышался холодный металл. — Мой контракт с «Аврора» заключен на три месяца вперед и включает пункт о безусловной неустойке в размере восьмидесяти процентов от общего гонорара при досрочном расторжении по инициативе заказчика. Если вы разорвете договор сегодня, «Авро-

ра» выплатит мне почти полную сумму, а затем потратит еще столько же на поиск новой команды, пересборку световых сетапов и адаптацию продакшна. Вы потеряете минимум четыре съемочных дня. У вас есть эти четыре дня?

Смолин поморщился, словно проглотил что-то кислое.

— Юридический отдел в свое время составил крайне односторонний договор...

— Договор составлял я, — отрезал Марк. — И я привык доводить съемки до конца. Кампания будет снята по утвержденному графику. Но работать я буду только с вещами, которые не разваливаются под студийным светом.

Он коротко, почти невесомо посмотрел на меня — серые глаза под рассеченной бровью не выражали ни сочувствия, ни поддержки. Это был расчет профессионала, который защищал свой гонорар и свое имя, не пытаясь изображать благородство.

— Значит, состав зафиксирован, — подвела итог Регина, захлопывая планшет. — Двенадцать образов. Четырнадцать дней до прототипа. Двадцать семь дней до предпоказа. Тридцать дней до финального подиума и голосования совета директоров. Ева Дмитриевна, кабинет главного дизайнера на четвертом этаже в вашем распоряжении. Рабочие материалы Воронова перенесены на закрытый локальный сервер. Ключи от ателье и архивных комнат получите у Ирины Валерьевны.

Она поднялась, давая понять, что совещание окончено.

Участники начали расходиться. Ирина торопилась на встречу с юристами, Регина ушла в сторону пресс-службы в сопровождении двух помощниц. Марк закинул кофр на плечо и молча вышел в коридор, даже не попрощавшись.

Я задержалась у стола, убирая подписанный экземпляр графика в свою кожаную папку.

— Ева Дмитриевна, — негромкий голос Смолина заставил меня поднять голову.

Финансовый директор стоял в дверях, аккуратно надевая свои золотые часы обратно на запястье. На его губах снова играла та же вежливая, безупречная полуулыбка.

— Вы проявили редкую принципиальность, — произнес он мягко, глядя на меня с высоты своего безупречного положения. — Это похвально. Молодость, амбиции, вера в собственный уникальный почерк. Но индустрия высокой моды устроена прагматично. Знаете, кто погибает первым при смене собственников?

— Те, кто не умеет шить? — спросила я сухо.

— Нет, — Смолин покачал головой и чуть понизил голос: — Те, кто пытается доказать свою незаменимость там, где от них требовалось лишь тихое послушание. Оригинальность всегда дороже всего обходится тем, у кого нет права на ошибку. У вас этого права нет, Ева. Если через тридцать дней коллекция не получит заказ «Дюран», рынок запомнит, что именно на вашем перезапуске «Аврора» не удержалась. После такого следующий контракт получить будет непросто.

Он слегка наклонил голову в полупоклоне, повернулся и неслышной походкой направился по коридору к финансовому крылу.

Слова повисли в воздухе тяжелым ядовитым осадком. Это не было предупреждением заботливого коллеги. Это была прямая, неприкрытая декларация войны.

Мое новое рабочее место находилось в конце длинной анфилады четвертого этажа — просторная комната со стеклянной стеной, выходящей прямо в раскройный цех ателье.

Здесь стоял большой дубовый стол для раскроя, обтянутый плотным серым сукном, два профессиональных портновских манекена с разметкой балансовых линий, рулоны миллиметровки, графическая станция с двумя мониторами и пустые рейлы для будущих образцов.

Через стекло было видно, как в цеху мерно гудят парогенераторы, а закройщицы под руководством Лены Павловой перебирают рулоны шерсти и подкладочного шелка.

Я подошла к рабочему столу, глубоко вдохнула запах шерсти, воска и свежего дерева и включила компьютер.

На экране всплыло стандартное окно корпоративной аутентификации «Аврора». Я ввела временный логин и пароль, выданный техподдержкой вместе с пропуском, подтвердила вход через одноразовый код и открыла выделенную рабочую папку проекта.

Внутри должны были находиться оцифрованные лекала Воронова, технологические спецификации базовых силу-

этов и исходные эскизные наброски, которые компания планировала передать новому дизайнеру.

Я развернула корневую директорию.

И в этот момент в правом нижнем углу экрана мигнуло системное уведомление службы сетевой безопасности.

Маленькое серое окно системного лога, настроенного на автоматическую фиксацию сетевых событий, выдало строчку служебного отчета:

ВНИМАНИЕ: рабочая директория капсулы была открыта в режиме полного чтения и экспорта.

Время сессии: 13:18.

Источник: подрядный сервисный шлюз финансового контура.

Статус: сформирован внешний архив.

Я замерла, не отрывая взгляда от мигающего курсора.

Тринадцать часов восемнадцать минут.

Ровно за сорок минут до начала нашего совещания в кабинете Регины. В тот самый момент, когда я еще сидела внизу в павильоне, а Ирина Бельская только поднималась вверх с фотографиями разрезанного шелка.

Кто-то уже зашел в мою рабочую папку через внешний сервисный аккаунт, скопировал исходную структуру проекта и выгрузил архив наружу.

Война не просто началась. Враг уже сидел внутри системы, держал руку на пульсе каждого моего шага и готовился нанести следующий удар.

Глава 3

В ателье пахло мокрой шерстью, горячим металлом утюгов и свежим типографским клеем.

Я пришла в ателье в семь тридцать утра, за полтора часа до официального начала смены. В длинном коридоре четвертого этажа горело только дежурное аварийное освещение — тусклые люминесцентные лампы отбрасывали бледные полосы на паркет из темного мореного дуба. В раскройном цехе за стеклянной перегородкой моего кабинета царила тишина: на длинных столах ровными рядами лежали тяжелые металлические линейки, грузы для фиксации настила и зачехленные портновские манекены, похожие в полумраке на застывших часовых.

Я сняла пальто, бросила сумку на рабочий стол и включила рабочую графическую станцию.

Вчерашнее уведомление системы безопасности не выходило у меня из головы всю ночь. Тринадцать часов восемнадцать минут. Подрядный шлюз финансового контура. Полная выгрузка директории.

На экране монитора всплыл рабочий стол. Я дважды кликнула по сетевой папке проекта и открыла каталог с лекалами и базовыми техническими пакетами, которые нам оставил Роман Воронов.

Первое, что бросилось в глаза, — несовпадение контроль-

ных сумм в списке файлов.

Я открыла рабочие цифровые лекала базовых конструкций.

Файл главного пальто оверсайз из дневного блока открылся с системной ошибкой.

Я приблизила чертеж на мониторе. На первый взгляд линии казались нормальными — привычная плавная кривая проймы, реглан, балансировочная линия полочки и спинки. Но когда я включила режим отображения контрольных точек сопряжения, у меня внутри все похолодело.

Контрольные точки рукава и плеча были смещены совсем немного — достаточно, чтобы на экране чертеж выглядел нормальным, а на фигуре посадка развалилась.

Любой конструктор поймет, что это значит. Если отправить такое лекало на автоматический раскройный плоттер, ткань раскроют без видимого брака. Закройщицы сошьют детали. Но когда готовое пальто наденут на манекен или модель, рукав намертво заломит назад, спинка встанет уродливым пузырем, а полочка натянется на груди так, что вещь невозможно будет застегнуть.

И виноват в этом будет не тот, кто испортил файл, а ведущий дизайнер, подписавший спецификацию в производство.

Я быстро открыла второй файл — базовое платье-футляр с косым кроем из шелкового блока. Та же картина: опорная диагональ смещена, контрольные точки баланса нарушены.

А папка с третьим файлом — конструкцией вечернего

смокинга со сложной асимметричной баской — была просто пуста. Исходный векторный макет и PDF-спецификация с расчетом расхода ткани были удалены. В системной строке осталась лишь дата модификации: вчера, 13:22.

Кто-то не просто резал платья ножницами в подвале. Кто-то методично и грамотно закладывал мины в самую основу производства.

Я не стала устраивать панику. Глубоко вдохнула, достала из сумки свой тяжелый рабочий скетчбук в толстом черном переплете — аналоговый, бумажный, с плотными листами крафта, исчерканными карандашными схемами и ручными промерами, — и положила его рядом с клавиатурой.

Мои личные архивы не хранились в корпоративном облаке «Аврора». То, что я строила руками последние полтора года, существовало только на бумаге и в моей голове.

Я сняла трубку внутренней связи и набрала номер приемной исполнительного директора:

— Ирина Валерьевна? Это Соколова. Мне нужен системный администратор и вы. Прямо сейчас, в моем кабинете.

Через двадцать минут за моим рабочим столом сидел Денис — сутулый парень из техподдержки в растянутом свитере с логотипом серверной операционной системы. Он быстро стучал по клавишам, выводя на второй монитор зеленые строчки системных журналов доступа.

Рядом стояла Ирина Бельская. Ее темный строгий костюм выглядел так же безупречно, как вчера, но под глазами за-

легли тени — исполнительный директор явно спала не больше трех часов.

— Что там, Денис? — спросила Ирина, не отрывая взгляда от бегущего кода.

— Файлы повреждены скриптом, — ответил парень, поправляя очки на переносице. — Причем работал человек, который понимает структуру САПР. Изменения внесены точно в таблицы координат контрольных точек. Это не случайный сбой диска. Один файл затерт без возможности быстрого восстановления из локальной корзины.

— Кто заходил? — коротко спросила я.

— Общий подрядный сервисный аккаунт финансового контура, — Денис развернул журнал доступа. — Им пользуются внешние аудиторы и сервисная служба финансового департамента. Права у него слишком широкие: чтение и запись в производственных каталогах.

— То есть под этим логином мог зайти кто угодно? — уточнила Ирина.

— Несколько сотрудников подрядчика и финансовой службы. По этому журналу конкретного человека сейчас не назвать.

Я посмотрела на пустую папку удаленного смокинга.

— Восстановить стандартные файлы Воронова возможно?

Денис пожал плечами:

— Резервная копия на центральном сервере перезаписы-

вается раз в сутки в полночь. Ночью бэкап уже затянул поврежденные версии. Чтобы поднять архив недельной давности, мне нужно подать официальную заявку в службу безопасности инвесторов, получить согласование финансового комитета... Это займет дня три-четыре.

— У нас нет трех дней, — отрезала я. — У нас двадцать девять дней до финального показа и тринадцать до первого прототипа.

Я придвинула к себе свой бумажный скетчбук.

— Денис, отключите этот компьютер от общего сетевого диска. Создайте локальную зашифрованную папку на этом физическом накопителе. Я пересоберу базовые сетки вручную прямо сейчас. Но работать в общей сети по старым правилам мы больше не будем.

Ирина посмотрела на меня с напряженным вниманием:

— Что вы предлагаете, Ева?

— Мы вводим систему доказательного происхождения — полный архив происхождения коллекции, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Если мы этого не сделаем сегодня, через неделю у нас украдут эскизы, через две подменят ткань, а на предпоказе «Веритас» заявит, что мы сшили их коллекцию по их украденным файлам.

— Объясните процедуру, — потребовала Ирина.

— Первое: версионность. Каждый чертеж, каждый эскиз и каждая технологическая карта получают уникальный индекс версии — 1.0, 1.1, 2.0. Каждое изменение сохраняется

отдельным файлом и выгружается на изолированный физический внешний диск, который хранится в сейфе у вас, Ирина Валерьевна. Второе: аналоговый контроль. Ни одно лекало не идет на раскройный стол без распечатанного паспорта образца с тремя физическими подписями синими чернилами — моей, Регины Сергеевны и главного технолога Лены Павловой. Третье: фотофиксация каждого этапа сборки. От первой накладки на манекене до финальной примерки. С датой, временем и зафиксированными швами.

Дверь кабинета резко распахнулась, прервав меня на полуслове.

В комнату стремительно вошла Регина Орловская. На ней было безупречное шерстяное пальто верблюжьего цвета, на плече висела сумка из матовой кожи, а в руке она держала стаканчик с кофе. За ней, держа руки в карманах темной куртки, неслышно вошел Марк Левицкий с неизменным кофром через плечо.

— Что за экстренное собрание на рассвете? — бросила Регина, оглядывая присутствующих. — Мне на парковке сказали, что в ателье заблокировали сеть. Соколова, почему раскройный цех стоит без дела? Восемь тридцать! Закройщицы должны настилать ткань для первого дневного блока!

— Раскройный цех стоит, потому что вчера в тринадцать двадцать кто-то переписал координаты лекал в САПР, — холодно ответила я. — Если бы Лена настелила ткань по файлам с сервера, мы бы выбросили тридцать метров премиаль-

ного сукна в мусорную корзину.

Регина замерла, сжимая в руке стаканчик с кофе. На ее лице промелькнула растерянность, которую она тут же скрыла за привычной надменной маской:

— Какой еще сбой? Это просто техническая ошибка Воронова! Он перед уходом нервничал, мог сохранить не те файлы...

— Это не ошибка Воронова, Регина Сергеевна, — вмешался Денис, разворачивая монитор. — Файлы отредактированы вчера днем, через сервисный подрядный шлюз. Координаты точек смещены вручную с высокой точностью.

Марк подошел к столу, молча посмотрел на экран, затем перевел взгляд на меня:

— Грамотная диверсия. Смещение незаметно для глаза, но ломает посадку в движении. Кто-то очень не хочет, чтобы вещи дошли до студии.

— Именно, — я посмотрела на Регину. — Поэтому с сегодняшнего дня мы меняем протокол работы. Я ввожу жесткую систему физических согласований, паспортов образцов и версионного контроля.

Регина раздраженно выдохнула, поставила кофе на край стола и скрестила руки на груди:

— Соколова, вы в своем уме? У нас двадцать девять дней! Каждая минута на счету! Вы предлагаете развести бюрократию с бумажками, сейфами и тройными подписями? Мы потеряем темп! Пиар-отделу нужны ежедневные обновления,

пресса ждет кадров бэкстейджа, байеры «Дюран» запросили график готовности капсулы! Если мы будем подписывать каждый лоскут тремя подписями, мы не сошьем и половинки! Это паранойя!

— Это не паранойя, — отчеканила я. — Это единственная причина, по которой вас не выставят ворами через три недели.

Я сделала шаг к ней, не повышая голоса, но вкладывая в каждое слово абсолютную, жесткую уверенность:

— Если файлы уже утекли наружу — а вчерашний лог показывает, что перед повреждением директория была полностью экспортирована, — то наши силуэты уже лежат на столе у конкурентов. И когда «Веритас» покажет похожий крой за день до нашего показа, единственное, что спасет «Аврора» от судебного запрета и позора, — это физический архив с датами, бумажными подписями и пошаговой фотофиксацией процесса. Вы хотите рискнуть брендом отца ради экономии двадцати минут в день?

В кабинете повисла тяжелая тишина.

Было слышно, как за окном шумит утренний трафик Большой Никитской, а за стеклом тихо гудит парогенератор в руках пришедшей на смену закройщицы.

Регина смотрела на меня, и в ее глазах я видела яростное сопротивление. Ей претила сама мысль о том, что приглашенная вчера сотрудница диктует правила ведения бизнеса в доме ее семьи. Но логика моих слов была неопровержима, и

ее собственный инстинкт самосохранения пиарщика не мог этого проигнорировать.

— Допустим, — процедила Регина сквозь зубы. — Но кто будет вести фотофиксацию? У меня нет лишних штатных единиц для беготни с фотоаппаратом по цеху.

— Фотофиксацией займусь я, — спокойно произнес Марк Левицкий от окна.

Все повернулись к нему.

Марк достал из кармана куртки портативный внешний SSD-накопитель в защитном резиновом корпусе и положил его на стол:

— По контракту я отвечаю за визуальное сопровождение проекта. Буду снимать каждый утвержденный образец с контрольной картой даты и версии. Исходники ежедневно копируем на отдельный диск и передаем Ирине Валерьевне под роспись.

Я посмотрела на Марка. В его взгляде не было ни вызова, ни показного благородства. Только сухой, почти отстраненный профессионализм. Он не пытался стать героем или навязать мне свою дружбу. Он четко очертил границы своей работы: фиксация фактов, соблюдение регламента, никаких лишних движений.

— При одном условии, — добавил Левицкий, глядя мне прямо в глаза. — Я снимаю только те образцы, которые официально переданы мне по подписанному паспорту. Никаких черновиков из-под полы, никаких несогласованных тряпок.

Я отвечаю за подлинность кадра, а не за ваши внутренние подозрения.

— Договорились, — ответила я. — Доступ к съемочным образцам строго по списку.

— Хорошо, — Ирина Бельская решительно взяла со стола служебный блокнот. — Протокол утвержден. Я лично подготавливаю приказ об изменении регламента безопасности и передам его на подпись генеральной дирекции. Денис, изолируйте рабочую станцию Евы Дмитриевны. С этого момента проектная документация не выходит в общую сеть.

Регина молча взяла свой остывший кофе, окинула меня долгим, нечитаемым взглядом и вышла из кабинета, громко стуча каблуками по паркету.

Следующие четыре часа превратились в изнурительную, монотонную работу по восстановлению фундамента коллекции.

Я сидела за графической станцией, отключенной от внешней сети, и заново вычерчивала базовые лекала по своим бумажным эскизам.

Моя левая рука уверенно вела стилус по поверхности графического планшета, восстанавливая каждую линию: плечевой баланс, сопряжение проймы и оката, распределение вытачек, динамику косого края. Я знала эти пропорции наизусть. Каждый миллиметр был выверен годами практики — той самой практики, которую невозможно стереть никаким скриптом с серверов.

Рядом со мной стояла Лена Павлова. Главный технолог ателье внимательно следила за каждым движением стилуса на экране, сверяя параметры с бумажной миллиметровкой.

— Молодец, Ева, — негромко сказала Лена, поправляя сантиметровую ленту на шее. — Линия проймы села идеально. Воронов любил наворотить углов, а в сборке потом девчонки плакали. У тебя конструкция дышит. Ее реально сшить без заломов.

— Мы начнем с четырех дневных пальтовых образов, — ответила я, сохраняя новую рабочую версию. — Ткань для первого жакета уже настилают?

— Настилают, — кивнула Лена, но в ее голосе прозвучало сомнение. — Только вот сукно у нас плотное, двойного кручения. Если Регина потребует гладкую посадку без видимых швов, на лацканах может пойти толщина.

— Мы не будем делать гладкую посадку, — я повернулась к технолог. — Вчерашний прием можно развить дальше. Заложим открытые срезы с металлизированной обработкой в лацканы и боковые шлицы и посмотрим, выдержит ли он несколько разных вещей.

Лена на секунду задумалась, прищурилась, мысленно собирая узел обработки, и на ее строгом лице впервые появилась скупая профессиональная улыбка:

— А ведь работает. Толщину срежем, край зафиксируем кантом, и технологически это будет на порядок надежнее потайной впуски. Давай паспорт, подпишу.

Я распечатала первый формуляр на локальном принтере:
ПАСПОРТ ОБРАЗЦА: МОДЕЛЬ 01/12 (ДНЕВНОЙ
БЛОК. ЖАКЕТ-СМОКИНГ С ОТКРЫТЫМ КОНСТРУК-
ТИВНЫМ ШВОМ)

ВЕРСИЯ ЛЕКАЛ: V 1.0

ДАТА УТВЕРЖДЕНИЯ: ДЕНЬ 2, 13:40

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ДИЗАЙНЕР: Е. Д. СОКОЛОВА
[ПОДПИСЬ]

ГЛАВНЫЙ ТЕХНОЛОГ: Е. П. ПАВЛОВА [ПОДПИСЬ]

РУКОВОДИТЕЛЬ БРЕНДА: Р. С. ОРЛОВСКАЯ [МЕ-
СТО ДЛЯ ПОДПИСИ]

Лена размашисто расписалась синей капиллярной руч-
кой. Первый физический документ новой системы лег в ар-
хивную папку.

К четырем часам дня в кабинет вернулся Денис.

Он выглядел взволнованным. В руках он держал распе-
чатку расширенного отчета службы сетевой безопасности,
которую ему удалось выгрузить из изолированного буфера
аппаратного межсетевого экрана.

— Ева Дмитриевна, Ирина Валерьевна просила показать
это вам до того, как отчет уйдет руководству.

Я отложила стилус и взяла распечатку.

— Что там?

— Я провел покадровый анализ событий вчерашней сес-
сии подрядного шлюза, — Денис указал пальцем на две вре-
менные метки в нижней части листа, выделенные маркером.

— Посмотрите на хронологию.

Я вчиталась в строки системного лога:

13:18 — началась выгрузка каталога.

13:19 — внешний экспорт завершен.

13:22 — началось изменение и удаление рабочих файлов.

13:23 — сессия закрыта.

Строчки текста расплылись перед глазами, а затем сложились в четкую, пугающую картину.

Экспорт произошел в тринадцать девятнадцать.

А повреждение и удаление файлов началось только в тринадцать двадцать два. Спустя почти три минуты после того, как все данные были благополучно скачаны и ушли на внешний сервер.

Это не была попытка стереть черновики Воронова от обиды или злости.

Тот, кто управлял подрядным аккаунтом, сначала аккуратно, до последнего байта скопировал всю нашу исходную проектную базу — концепт-борды, расчеты тканей, размерные сетки и технологические карты. И только убедившись, что копия надежно сохранена у него в руках, запустил скрипт уничтожения оригиналов, чтобы затормозить нашу работу и стереть следы первичного авторства.

Утечка не просто состоялась.

Чертежи дома «Аврора» ушли наружу еще до того, как я впервые села за этот рабочий стол. И прямо сейчас где-то в недрах холдинга «Веритас» чужие конструкторы уже могли

изучать наши исходные материалы, готовя следующий ход.

Глава 4

В ателье впервые появилось хрупкое ощущение порядка.

В цеху мерно шумели раскройные ножи, на длинных столах ровными слоями лежало тяжелое шерстяное полотно, а на моем манекене уже формировался макет первого жакета из дневного блока — с четким плечом, глубоким запахом и тем самым золотым кантом по линии лацкана, который Лена Павлова аккуратно накалывала длинными портновскими булавками.

— Стой здесь, никуда не тяни, — тихо приговаривала Лена, зажимая губами три булавки и ловко подворачивая плотный край сукна. — Вот так. Если закрепим срез шнуром, плечо будет держать форму даже без тяжелой бортовки. Красиво идет, Ева. Зло, но чисто.

Я стояла рядом, придерживая ткань у проймы, и впервые за сорок восемь часов чувствовала, как внутри отступает давящая тревога.

Система работала. Бумажные паспорта лежали в отдельной кожаной папке с подписями, эскизы были заперты в сейфе у Ирины Бельской, а рабочая станция больше не посылала сигналов во внешнюю сеть. Мы отставали от идеального графика на сутки из-за вчерашнего сбоя, но это было отставание, которое можно наверстать бессонными ночами и жесткой дисциплиной.

Дверь цеха с глухим стуком распахнулась.

В помещение влетела Алина — та самая секретарша из приемной руководства. Ее лицо было белым как мел, а в руках она судорожно сжимала рабочий смартфон.

— Ева Дмитриевна... — голос девушки сорвался на фальцет. — Там... Регина Сергеевна требует вас в малую переговорную. Срочно. Всех требует.

Лена замерла с поднятыми ножницами:

— Что стряслось? Опять сервер упал?

— Хуже, — выдохнула Алина, глядя на меня с неприкрытым, почти испуганным сочувствием. — Откройте «Шелковый телеграф». Три минуты назад выложили.

Я медленно опустила край ткани, вытерла ладони о брюки и достала из кармана телефон.

«Шелковый телеграф» был главным анонимным каналом русскоязычного модного бизнеса — триста тысяч подписчиков, едкие инсайды, мгновенная реакция байеров и привычка уничтожать репутации одним коротким постом без права на ответ.

Экран мигнул, загружая свежую публикацию с плашкой «ЭКСКЛЮЗИВ».

Сверху был прикреплен сдвоенный фотоколлаж.

Слева — черновой эскиз моего пальто с косым золотым швом и асимметричной шлицей, тот самый, который вчера утром ушел через подрядный шлюз с серверов «Авроры».

А справа — глянцевый снимок полугодовой давности.

сти. Высокая темноволосая модель в графитовом кейпе с идентичным смещением диагонали, с той же жесткой геометрией плеча и узнаваемым узлом фиксации воротника. Снимок из лукбука коллекции «Перелом», принесшей холдингу «Веритас» и его главному дизайнеру Кириллу Морозову звание прорыва года.

Текст под коллажем был составлен с безупречной, ядовитой точностью:

«Громкий перезапуск дома „Аврора“ начался с плохо прикрытого воровства?

Инсайдеры сообщают, что после ночного увольнения креативного директора спасти тонущий бренд наняли никому не известную Еву Соколову. И первое, что сделала новая фаворитка, — буквально под копирку перерисовала культовые силуэты Кирилла Морозова из „Веритас“.

Слева — концепт будущей капсулы „Аврора“ для байеров „Дюран“. Справа — знаменитый кейп Морозова полугодовой давности. Найдите хотя бы два отличия.

Неужели легендарный дом Орловского опустился до банального плагиата у более успешных конкурентов, чтобы успеть к приезду парижских закупщиков?»

Пальцы на корпусе телефона похолодели.

Перед глазами на мгновение поплыли темные круги, возвращая меня в тот кошмарный вечер полтора года назад. Съемная комната, остывший чай, трансляция недели моды и лицо Кирилла Морозова на подиуме — он с легкой, снисхо-

длительной улыбкой принимал цветы и поздравления прессы за коллекцию, чертежи которой еще за неделю до этого лежали на моем столе. Тогда он украл мою работу, переписал авторство на себя и выставил меня городской сумасшедшей, когда я попыталась поднять шум без единого юридически заверенного документа в руках.

А теперь он переворачивал эту кражу второй раз.

Тот, кто слил вчерашние файлы из системы «Аврора», передал их Кириллу не просто так. Морозов мгновенно сопоставил мой почерк, нашел в своем украденном архиве похожий силуэт и нанес превентивный удар через ручную прессу.

Он делал так, чтобы любое мое оригинальное решение заранее выглядело вторичной подделкой под его собственный «гений».

— Ева? — Лена Павлова осторожно тронула меня за локоть. Она заглянула в экран моего телефона, и ее брови сошлись на переносице. — Это что еще за грязь?

В цеху повисла мертвая, звенящая тишина. Закройщицы переглядывались, швеи у дальних машин перестали нажимать на педали. В их взглядах читалось не просто любопытство — там просыпалось то самое липкое, разрушительное недоверие, которое способно парализовать любую команду за считанные минуты.

«Она воровка? Мы шьем краденое? Из-за нее нас закроют?»

Я заблокировала экран, спрятала телефон в карман и вы-

прямила спину.

— Продолжайте сборку первого жакета, Лена, — ровным, спокойным голосом произнесла я, так чтобы слышал весь цех. — Никаких пауз. Работаем строго по утвержденному паспорту.

— Но там же... — начала одна из закройщиц.

— Там сетевая провокация, цель которой — заставить нас бросить ножницы, — отрезала я. — Нас ждут на третьем этаже.

В малой переговорной воздух был раскален до предела.

Регина Орловская мерила шагами длинный ковер от окна к двери. Ее идеальная укладка слегка растрепалась, глаза горели бешеным огнем, а на столе перед пустыми креслами лежал планшет с открытым постом «Шелкового телеграфа».

В углу, закинув ногу на ногу и просматривая финансовые отчеты, сидел Виктор Смолин. На его лице не было паники — лишь та же вежливая, едва заметная полуулыбка наблюдателя, который с интересом следит за развитием заранее предсказанной катастрофы.

У окна, прислонившись спиной к подоконнику, стоял Марк Левицкий. Он крутил в руках солнцезащитную бленду от объектива, глядя в пол, и казался абсолютно безучастным к происходящему.

Ирина Бельская сидела во главе стола с телефонной трубкой у уха:

— ...нет, официальных комментариев мы пока не даем.

Релиз готовится. Прекратите обрывать линию пресс-службы.

Она с глухим стуком опустила трубку на базу как раз в тот момент, когда я переступила порог.

— Ты! — Регина резко развернулась ко мне, указывая тонким наманикюренным пальцем на экран планшета. — Ты понимаешь, что ты наделала, Соколова?!

— Доброе утро, Регина Сергеевна, — спокойно ответила я, закрывая за собой дверь и проходя к столу.

— Какое к черту доброе утро?! — взорвалась Орловская, ее голос сорвался на крик. — Нас полощут во всех отраслевых пабликах! Парижское бюро «Дюран» уже запросило разъяснения по электронной почте! Заголовок на первой полосе утреннего дайджеста: «Аврора ворует у Веритас»! Ты притащила в наш дом чужие лекала?! Ты решила спасти свою шкуру за счет чужой коллекции Кирилла Морозова?!

Смолин мягко вздохнул, аккуратно закрыл свою папку и покачал головой:

— Я предупреждал вчера, Регина Сергеевна. Молодые авторы без имени часто страдают избыточной «насмотренностью». Иногда они сами не замечают, как воспроизводят бестселлеры лидеров рынка. К сожалению, для нашей репутации перед сделкой это может стать фатальным ударом.

— Замолчите оба, — не повышая тона, сказала я.

Регина осеклась, опешив от моей наглости.

Я подошла к столу, положила ладони на полированное дерево и посмотрела прямо в лицо дочери основателя:

— Я не воровала чужие лекала. Кирилл Морозов не создавал этот силуэт.

— Ах вот как? — саркастически протянула Регина. — А почему тогда весь рынок полтора года назад аплодировал его показу, а твои эскизы совпадают с его вещами до последнего изгиба лацкана?!

— Потому что полтора года назад этот кейп спроектировала я, — четко, отдельно произнесла я, чувствуя, как внутри все сжимается в ледяную пружину. — Кирилл Морозов был моим партнером. Он имел доступ ко всем моим рабочим файлам. За неделю до подачи заявок на грант он выгрузил мои архивы, переоформил патентные заявки на свое имя через юристов «Веритас» и выставил меня за дверь. Коллекция «Перелом», на которой он построил свое имя в холдинге, от первого шва до последней пуговицы была придумана и сшита мной.

В переговорной стало тихо.

Смолин медленно снял очки, с легким прищуром изучая мое лицо. В его взгляде на секунду мелькнул холодный профессиональный интерес, а затем привычная вежливая маска вернулась на место.

Регина смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Ее ярость на мгновение сменилась шоком, но затем на лицо снова вернулась маска надменного скепсиса:

— Очень удобная сказка для человека, пойманного за руку, Соколова. Ты думаешь, рынок поверит в эту слезливую

драму об обиженной девочке и злом гении? У Морозова — имя, статус креативного директора «Веритас», награды и контракты. А у тебя — полуторагодовой провал в резюме, пустые карманы и статус временного дизайнера на испытательном сроке! Если мы выйдем к прессе с заявлением «на самом деле он украл у нее полтора года назад», нас просто засмеют! Это выглядит как жалкая, истеричная попытка оправдаться!

— Именно поэтому мы не станем выходить с этим к прессе, — твердо сказала я.

Ирина Бельская подняла голову от бумаг:

— Поясните вашу позицию, Ева.

— Публикация в канале — это провокация, — я повернулась к исполнительному директору. — Тот, кто вчера выгрузил черновики с нашего сервера, передал их Морозову. Кирилл увидел мой почерк. Он понял, что я вернулась в индустрию и делаю капсулу для прямого конкурента. Его цель — втянуть нас в эмоциональную перепалку в соцсетях. Если мы сейчас начнем оправдываться, выпускать опровержения или кричать о старой краже, мы признаем, что напуганы. Мы переведем фокус с качества одежды на базарный скандал, и «Дюран» просто отменит визит из-за токсичности фона.

— И что вы предлагаете? — спросила Ирина. — Молчать?

— Действовать строго по процедуре, — ответила я. — Первое: юридическая фиксация. Мы нотариально заверяем публикацию в канале и готовим закрытую внутреннюю хро-

нологию создания наших эскизов с точными временными метками из вчерашнего аналогового архива. Второе: официальная позиция PR-службы. Короткий, сухой комментарий: «Модный дом „Аврора“ разрабатывает оригинальную авторскую капсулу под руководством нового ведущего дизайнера. Любые спекуляции на основе похищенных черновых набросков юридически ничтожны. Итоговую концепцию и уровень проработки профессиональное сообщество увидит на закрытом показе». И третье: мы продолжаем шить.

— Продолжаем шить?! — переспросила Регина. — Когда нас уже клеймят плагиаторами?!

— Одежда в производстве не будет копией того кейпа, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Тот черновик, который утек в сеть, был базовой геометрией. В реальности мы трансформируем силуэт: меняем конструктивные опоры, открываем часть соединений и перестраиваем баланс. На предподказе будет видно, что это новая работа, а не повтор старого кейпа.

Регина тяжело опустилась в кресло, нервно постукивая ногтями по подлокотнику.

Она была пиарщиком до мозга костей и прекрасно понимала логику медийных войн. Эмоциональный ответ утопил бы нас мгновенно. Холодное, высокомерное удержание позиции давало шанс выиграть время.

— Хорошо, — наконец глухо произнесла Орловская. — Я согласую текст релиза в такой формулировке. Но запом-

ни, Соколова: если на предпоказе у Клары Мартен возникнет хотя бы малейшее сомнение в оригинальности кроя, ты вылетишь отсюда не просто с увольнением. Я лично позабочусь о том, чтобы твое имя навсегда связали с этим позором.

— Справедливо, — кивнула я.

— Ирина Валерьевна, свяжитесь с юристами, — распорядилась Регина, поднимаясь. — Виктор Павлович, подготовьте расчет возможных репутационных рисков для совета директоров. Совещание окончено.

Смолин медленно поднялся, аккуратно застегнул пуговицу пиджака, бросил на меня долгий оценивающий взгляд и молча вышел вслед за Региной.

Ирина задержалась на минуту, собирая документы:

— Вы хорошо держались, Ева. Но вы понимаете, что теперь каждый ваш шаг будет рассматриваться под микроскопом?

— Я привыкла работать под микроскопом, Ирина Валерьевна.

— Паспорт на первый жакет у меня в сейфе, — тихо добавила она. — Работайте. Я прикрою вас перед советом настолько, насколько позволят мои полномочия.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой.

В переговорной комнате повисла тишина.

Я стояла у стола, чувствуя, как напряжение последних двадцати минут тяжелым свинцом оседает в плечах. Руки мелко подрагивали — не от страха, а от ярости, которую при-

ходилось загонять глубоко внутрь.

И тут я вспомнила.

В комнате оставался еще один человек.

Марк Левицкий все так же стоял у окна. Он не проронил ни единого слова за все время скандала. Не поддержал Регину, не защитил меня, не выразил удивления.

Но сейчас, когда я посмотрела на него, я отчетливо вспомнила его реакцию в ту секунду, когда Регина впервые выкрикнула имя Кирилла Морозова.

Марк не удивился.

Когда звучит имя главного дизайнера компании-конкурента, нормальный человек проявляет хоть какую-то реакцию — настороженность, интерес, недоумение.

У Левицкого лишь побелели костяшки пальцев на пластиковой бленде объектива, а челюсти сжались так, что на скулах вздулись желваки. Он знал это имя задолго до сегодняшнего утра. И знал не из глянцевого журналов.

Я медленно подошла к окну, остановившись в двух шагах от него.

Марк не отвел взгляда. Его серые глаза под рассеченной бровью были абсолютно темными, непроницаемыми, словно затянутыми глубокой мутной водой.

— Ты не выглядел удивленным, Левицкий, — тихо, но с нажимом произнесла я.

Он чуть наклонил голову, продолжая крутить в пальцах кусок пластика:

— В этой индустрии мало чему удивляешься, Соколова. Особенно когда люди воруют друг у друга идеи. Это стандартная практика.

— Не увиливай, — я сделала шаг ближе, сокращая дистанцию до предела. — Когда Регина назвала Морозова и коллекцию «Перелом», ты даже бровью не повел. Ты напрягся еще до того, как я открыла рот.

Марк замер. Пальцы на бленде наконец остановились.

— Тебе показалось, — сухо бросил он, собираясь обойти меня и направиться к выходу.

Я не сдвинулась с места, перекрывая ему проход:

— Откуда ты знаешь Кирилла Морозова, Марк?

Левицкий остановился. Мы стояли так близко, что я чувствовала тепло его дыхания и знакомый горьковатый запах крепкого кофе.

Он смотрел на меня сверху вниз — долго, тяжело, не моргая. На его жестком лице не дрогнул ни один мускул, но в глубине взгляда на мгновение промелькнуло что-то острое, опасное и темное — смесь вины, старой злости и глухого, застарелого бессилия.

Он не стал уходить от ответа. Не стал отшучиваться или делать вид, что не понимает вопроса.

— Я снимал ту коллекцию, Ева, — негромко произнес Марк. — Кампанию «Перелома». Полтора года назад. Все до единого кадра делал я.

Слова упали между нами с тяжестью рухнувшей бетонной

плиты.

Человек, который сегодня держал камеру для возрождения моей карьеры в «Авроре», полтора года назад своими собственными руками упаковывал в глянец мою украденную жизнь.

Глава 5

Звук закрывшейся за Ириной двери прозвучал сухо, как щелчок взведенного затвора.

Мы остались в малой переговорной одни. За высокими окнами тяжелое серое небо продолжало сыпать мелкую морось, смазывая контуры московских крыш. В комнате пахло остывшим кофе, дорогой шерстью и тем специфическим холодом, который наступает, когда между двумя людьми сгорают последние условности.

— Ты снимал «Перелом», — повторила я. Мой голос звучал тихо, почти без интонаций, но каждое слово падало на дубовую поверхность стола с отчетливым весом.

Марк не отвел взгляда. Он продолжал стоять у подоконника, прислонившись плечом к деревянному откосу. Бленда объектива в его руке больше не двигалась. Шрам на левой брови казался бледной, четко очерченной полосой на фоне смуглой, обветренной кожи.

— Да, — сказал он. Без попытки смягчить, без виноватой суеты, без желания увести разговор в сторону. — Кампанию для «Веритас». Студийный лукбук, уличную серию на мосту и главный визуальный релиз для прессы. Семьдесят два часа съемок.

Внутри у меня все натянулось, как пережатая латунная струна.

Полтора года я представляла себе людей, которые стояли за тем триумфом Кирилла. Я думала о слепых исполнителях — стилистах, моделях, фотографах, которые просто получили бриф от крупного холдинга, отработали смену, забрали чек и пошли дальше, даже не догадываясь, чьи бессонные ночи и чьи разрезанные в кровь пальцы они превращают в глянцевого успех. Мне было проще считать их безликим механизмом чужой индустрии.

Но стоящий передо мной человек механизмом не был.

— Когда ты понял? — спросила я, делая шаг к нему. — Только не ври мне, Левицкий. Кирилл ничего не понимает в конструкции. Он умеет продавать, умеет дружить с нужными редакторами, но он не отличает косой крой от долевого. Когда ты понял, что эта коллекция принадлежит не ему?

Марк убрал бленду в карман куртки и ответил не сразу.

— Не сразу, — ответил он. — На подготовке я понял только одно: история Кирилла не сходится.

— И что именно ты увидел?

— Твои инициалы. Твои пометки на кальках. И то, как он обращался с вещью, которую называл собственной.

Марк сделал шаг от окна и остановился у противоположного края стола.

— На первой примерке Морозов не смог объяснить ассистенту элементарную вещь по конструкции. Я взял рабочую папку и увидел на полях «Е.С.», даты и заметки, написанные одной рукой.

— Ты спросил его?

— Да.

— И что он сказал?

— Что работал с молодой дизайнеркой, которая делала черновую техническую часть и ушла после конфликта. Что права на всё остались у студии.

— И ты поверил?

— Я увидел достаточно, чтобы насторожиться, но не достаточно, чтобы знать всю историю. Съёмку я закончил. А уже после запуска начался скандал: появилось твоё имя, твои публичные обвинения, люди из команды начали шептаться. Я поднял сохранённые рабочие материалы, сравнил даты и понял, что Кирилл не преувеличивал вклад ассистентки. Он присвоил работу. И вот тогда я выбрал промолчать.

Я невольно повела плечами, будто в комнате похолодало.

Так было не легче. Он не шёл на съёмку с готовым знанием о краже — но, когда понял правду и ещё мог сказать, сознательно выбрал собственную безопасность.

Когда он понял достаточно, дальше уже был выбор.

— И ты промолчал.

— Да. После того как понял — промолчал.

— Почему?

Он не отвёл глаз и не стал оправдываться.

— Потому что у меня был контракт на четыре миллиона рублей с холдингом «Веритас». Потому что в договоре стоял

пункт о конфиденциальности с неустойкой, которая пустила бы меня по миру за одно неосторожное слово в прессе. Потому что против меня стояла юридическая служба крупнейшей модной группы страны, а за тобой не стояло никого. Ты была никому не известным именем из провинции, без связей, без зарегистрированных патентов, без единого влиятельного покровителя. Если бы я сорвал ту съемку и вышел к журналистам с заявлением «Морозов украл эскизы у своей бывшей», меня бы уничтожили в судах за неделю, лишили аккредитаций во всех европейских агентствах и вышвырнули из профессии. А тебе бы это все равно не помогло — у тебя не было ресурсов судиться с холдингом.

— И ты решил спасти себя.

— Я решил сохранить свою работу, — отрезал Левицкий. — Я не герой, Ева. Я коммерческий фотограф. Мне платят за свет, композицию и соблюдение дедлайнов. Я выбрал безопасность.

Я смотрела на него, сжимая пальцы в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

Хуже всего было то, что он не прятался за благородными мотивами. Он выбрал свою безопасность. Моя карьера в том расчёте оказалась дешевле.

— Ты соучастник, Марк, — тихо сказала я. — Твои кадры продали украденную вещь. Без твоего света эта коллекция выглядела бы как сырой полуфабрикат. Ты упаковал воровство в глянец и заставил мир поверить, что Кирилл Морозов

— гений.

— Я знаю, — глухо ответил он. — Я знаю это каждый чертов день последние полтора года.

Он медленно расстегнул внутренний карман куртки, достал плоский металлический кейс для накопителей и положил его на полированное дерево стола между нами.

— Что это? — спросила я.

— Исходники, — сказал Марк. — Полный цифровой архив той съемки. Рабочие материалы, которые Морозов присылал мне со своей личной почты. Черновые сканы твоих калек с почерком. Съёмочные листы с именами ассистентов. И исходные снимки первого дня, где на рабочем столе лежат распечатки твоих чертежей с датами.

Я замерла, глядя на серебристый металл кейса.

— Ты сохранил их?

— Я сохранил всё, — ответил Левицкий. — С первой минуты, как понял, что происходит. Я не пошел в прессу тогда, потому что это было самоубийством. Но я не стер ни одного байта. Я запечатал этот архив, продублировал на два независимых носителя и положил в банковскую ячейку.

— Зачем? Чтобы успокоить совесть?

— Чтобы дожидаться момента, когда эти файлы смогут наконец работать не как слух, а как часть доказательной цепи, — жестко произнес Марк. — Полтора года назад ты была одна против машины. Сейчас за твоей спиной стоит дом «Аврора» и юридический отдел. Если «Веритас» пойдет в офи-

циальный спор, архив поможет подтвердить даты, происхождение материалов и мою часть истории.

— И ты готов отдать его?

Марк посмотрел на меня тяжелым, немигающим взглядом:

— Архив существует. Но выложить его в сеть прямо сейчас или передать журналистам мы не можем. Мое соглашение о неразглашении с «Веритас» все еще действует. Если я опубликую закрытые рабочие материалы клиента без официального судебного процесса или встречного иска, меня затаскают по арбитражам до конца жизни, а публикацию объявят сфабрикованной мстью обиженного подрядчика. Юристы «Веритас» заблокируют эти файлы за сорок восемь часов.

— Значит, это снова пустые слова, — с горечью бросила я. — У тебя есть доказательства, но ты снова прячешься за соглашением о неразглашении.

— Это не пустые слова, Соколова, — в голосе Марка впервые прорезалась глухая ярость. — Это юридическая реальность. Доказательства должны работать как броня в суде, а не как бензин в сетевом скандале. Я отдаю архив юристам «Аврора». Пусть они проверят целостность данных, зафиксируют даты и держат его в закрытом контуре. Как только «Веритас» сделает официальный юридический шаг против нас — архив пойдет в дело. Но до этого момента мы держим оборону молча и шьем коллекцию.

Дверь переговорной снова открылась.

На пороге стояла Ирина Бельская, а рядом с ней — сухощавый мужчина лет пятидесяти в строгом костюме с кожаным портфелем в руках. Андрей Викторович Громов, главный юрисконсульт «Аврора».

Ирина быстро оценила напряжение в комнате, скользнула взглядом по металлическому кейсу на столе и перевела глаза на меня:

— Ева, Андрей Викторович готов принять материалы. Вы закончили?

Я перевела дыхание, заставляя пульс вернуться к рабочей норме. Эмоции требовали закричать, вышвырнуть этот кейс в окно и потребовать немедленного расторжения договора с человеком, который предал меня полтора года назад.

Но профессиональный холодный расчет — то единственное, что спасало меня все эти месяцы — удержал руку.

Нам нужны были эти доказательства. Без них у нас не было ни единого шанса против холдинга Морозова.

— Да, — сказала я, отступая на полшага. — Мы закончили.

Следующие сорок минут прошли в кабинете юридической службы под монотонный стук клавиш и шелест служебных формуляров.

Громов работал методично и бесстрастно. Он подключил диск Марка к изолированному ноутбуку, не имеющему выхода в интернет, проверил контрольные суммы файлов, све-

рил цифровые сертификаты времени и составил закрытую опись материалов.

— Материалы выглядят целостно, — наконец произнес юрист, снимая очки. — Даты рабочих файлов и переписки согласуются между собой, а исходные снимки подтверждают, что эти материалы существовали до запуска кампании Морозова.

— Это имеет юридическую силу? — спросила Ирина.

— Для открытого спора это сильный слой доказательств, — подтвердил Громов. — Но Марк Давидович абсолютно прав: публиковать эти материалы в медиа или направлять в прессу до официальной претензии со стороны «Веритас» мы не имеем права. Договор господина Левицкого с холдингом содержит драконовские штрафные санкции за разглашение служебной тайны третьим лицам. Если мы начнем махать этим архивом в соцсетях, «Веритас» подаст иск о защите деловой репутации и коммерческом шпионаже, наложит обеспечительные меры на наши счета, и совет директоров закроет «Аврора» раньше, чем прилетит «Дюран».

— Что мы делаем с архивом сейчас? — уточнила я.

— Я помещаю диск в депозитарный сейф юридического департамента, — Громов защелкнул замок на специальном опечатанном пакете. — Мы оформляем протокол закрытой инвентаризации доказательств. Материалы готовы к вводу в процесс в любую секунду, если «Веритас» перейдет от заказных статей к официальным юридическим действиям. Но до

этого момента — режим строгой секретности.

Он расписался на пломбе, убрал пакет в сейф и повернул тяжелый ключ.

Первая брешь в нашей обороне была закрыта. Но цена этого закрытия жгла мне грудь сильнее любого открытого удара.

В коридоре третьего этажа нас перехватила Регина Орловская.

Она стояла у входа в приемную, сжимая в руке распечатанный финансовый отчет, и выглядела еще более взвинченной, чем утром.

— Юристы закончили? — резко спросила она, переводя взгляд с меня на Марка.

— Материалы зафиксированы и убраны в сейф, — ответила Ирина. — У нас есть доказательная база на случай эскалации.

— Плевать на эскалацию, у меня горит кампания! — Регина повернулась ко мне. — Соколова, я только что говорила с финансовым директором. Смолин требует немедленно расторгнуть контракт с Левицким. Он заявляет, что после утренней публикации в «Шелковом телеграфе» фотограф, связанный с прошлыми проектами «Веритас», создает для «Аврора» прямой конфликт интересов.

Я невольно посмотрела на Марка. Он стоял в двух шагах, засунув руки в карманы куртки, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— И что вы решили, Регина Сергеевна? — спросила я.

— Что я решила? — Регина горько усмехнулась и взмахнула распечаткой. — Я посчитала цифры! Если мы выставим Левицкого за дверь сегодня, мы выплачиваем ему неустойку по пункту о досрочном расторжении — это три миллиона рублей прямых убытков из нашего и без того урезанного резерва. Но это еще полбеды. Нам придется срочно искать нового фотографа уровня топ-листа с международной аккредитацией, пересобирать утвержденный съемочный график, заново бронировать студийные слоты и переносить первые тестовые съемки минимум на четыре-пять дней!

Она сделала шаг ко мне, понизив голос до шипящего шепота:

— У нас нет этих пяти дней, Ева. К приезду Клары Мартен из «Дюран» у нас должен быть готов безупречно снятый лукбук и визуальные проекции для зала. Иначе показ провалится до того, как первая модель выйдет на подиум.

— То есть вы оставляете его, — констатировала я.

— Мы обязаны его оставить, — отрезала Регина. — Марк остается ведущим фотографом кампании до финального дня показа. Это не вопрос симпатий или морали. Это вопрос выживания «Аврора». Вы двое можете ненавидеть друг друга сколько угодно. Вы можете не здороваться в коридорах. Но вы будете работать в одном павильоне, стоять у одного манекена и делать то, за что вам платят. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — сухо ответил Марк.

— Соколова? — Регина уставилась на меня в упор.

Я посмотрела на Левицкого.

Передо мной стоял человек, чье молчание разрушило полтора года моей жизни. Человек, который сегодня спас утренний кадр, отдал мне в руки единственный шанс на юридическую защиту и одновременно заставил меня чувствовать себя беспомощной от невозможности просто вычеркнуть его из своей реальности.

Притяжение между нами — то самое острое, электрическое напряжение, которое вспыхнуло еще в съемочном павильоне у разрезанного платья — никуда не исчезло. Напротив, теперь, когда я знала всю правду, оно стало еще невыносимее, смешиваясь с горечью, злостью и вынужденной зависимостью от его профессионализма.

— Вопросов нет, — ответила я, глядя Марку прямо в глаза. — Мы работаем по утвержденному графику.

Регина коротко кивнула и зашагала по коридору в сторону пресс-службы. Ирина ушла вслед за ней, оставив нас одних возле лестничного пролета.

Марк сделал шаг ко мне.

— Ева... — начал он, и в его сухом голосе впервые промелькнула едва уловимая трещина.

— Не надо, Левицкий, — я подняла руку, выставляя между нами жесткую, непроницаемую границу. — Не пытайся извиняться. Не пытайся объяснить, что ты чувствовал тогда или что ты чувствуешь сейчас. Мы не союзники. Мы не дру-

зья. Мы два наемных специалиста, запертых в тонущем модном доме с общим дедлайном.

Я посмотрела на его рассеченную бровь, на его темные, непроницаемые глаза и четко, без единой лишней эмоции закончила:

— Ты будешь ставить свет. Ты будешь снимать мои платья так, чтобы ни у одного байера в мире не возникло сомнений в их качестве. А я буду строить коллекцию, которую никто и никогда больше не посмеет назвать чужой. Но доверия между нами нет и не будет.

Марк долго смотрел на меня, затем медленно, едва заметно наклонил голову:

— Как скажешь, Соколова. Первая тестовая съемка дневного блока — завтра в девять утра. Образ должен быть на вешалке вовремя.

Он развернулся и пошел вниз по лестнице, а я развернулась и зашагала в ателье — туда, где меня ждали ножницы, миллиметровка и единственный мир, в котором я могла доверять только собственным рукам.

Глава 6

Вместо стука ножниц в раскройном цехе стояла тишина, в которой отчетливо слышался треск чужого расчетливого удара.

Мы с Леной Павловой стояли в раскройном цехе перед пустым трехметровым столом. На нем лежали лишь две пары тяжелых портновских ножниц, грузы для настила и подписанная вчера спецификация на первый блок коллекции. Десять швей сидели на своих местах, не включая машинки.

Курьер с образцами основной ткани не приехал в восемь утра. Не приехал он и в девять.

А в девять пятнадцать на мой личный телефон пришло короткое электронное письмо с официального адреса коммерческого директора компании «Текстиль-Альянс» — эксклюзивного поставщика итальянской шерсти, с которым «Аврора» работала последние семь лет.

«Уважаемая Ева Дмитриевна. Вынуждены уведомить вас об аннулировании брони на артикул W-402 (двусторонний шерстяной креп графитового оттенка, объем 140 погонных метров). В связи с задержкой гарантийного платежа со стороны заказчика объем был выкуплен сторонним контрагентом по праву приоритетной оферты со стопроцентной немедленной оплатой. Ближайшая поставка с фабрики в Бьелле возможна не ранее чем через шесть недель. Прино-

сим извинения за доставленные неудобства».

Я медленно опустила телефон на гладкую деревянную поверхность стола.

— Ну что там? — тихо спросила Лена, вглядываясь в мое лицо. — Опять курьер в пробке застрял?

— Ткани не будет, Лена. Нашу бронь перекупили.

Технолог побелела, машинально прижав руку к груди:

— Как перекупили? Бронь стояла за нами две недели! Воронов лично подписывал предварительный резерв под перезапуск! Под эту плотность рассчитаны все четыре дневных силуэта, под нее заложены припуски на швы и посадка плеча! Если этой шерсти нет, нам не из чего кроить даже первый макет!

— «Сторонний контрагент», — вслух прочитала я строчку из письма. — Стопроцентная немедленная оплата прямо со склада в Москве.

Я почти не сомневалась, кто мог за полчаса выложить живые миллионы за премиальный отрез ради того, чтобы оставить нас с голыми столами.

«Веритас».

После провалившейся медийной атаки такой удар выглядел логичным продолжением: если нас не удалось остановить шумом, можно было попробовать остановить производством.

Дверь цеха с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В помещение вихрем влетела Регина Орловская. На ней

был безупречный черный тренч, но лицо пылало от бешенства. В руке она сжимала распечатку сметы.

— Соколова! Мне только что звонил Смолин из финансового отдела! — ее голос эхом разнесся под сводами цеха, заставив швей втянуть головы в плечи. — Какого черта фабрика аннулировала резерв?! Почему мы не оплатили счет вчера?!

— Этот вопрос вам стоит задать Виктору Павловичу, — я повернулась к ней, чувствуя, как внутри разгорается холодная, предельно собранная злость. — Платежное поручение на предоплату лежало у него на столе со среды. Он придержал транзакцию на сорок восемь часов под предлогом «дополнительной проверки благонадежности контрагента». Ровно столько времени понадобилось «Веритас», чтобы прийти на склад с наличными и забрать наш рулон.

Регина резко втянула воздух и провела ладонью по волосам, оглядывая пустые раскройные столы.

— С виновником разберемся отдельно, — отрезала она. — Но у нас нет шести недель на новую партию из Италии. До визита «Дюран» меньше месяца. Я уже подняла отдел закупок: в Москве есть плотная турецкая костюмная шерсть и несколько смесовых вариантов, которые можно получить сегодня.

Лена Павлова издала короткий, почти стонущий звук:

— Я смотрела эти складские карты, — Лена поморщилась. — Для обычного костюма материал нормальный. Но

под наши тяжелые плечи и металл он слишком мягкий. Посадку придется менять вместе с половиной конструкции.

— А пустые рейлы для Клары Мартен будут лучше? — Регина сделала шаг к технологу. — Мне нужен вариант, который можно реально купить сегодня и достойно показать. Если эта шерсть не держит ваш крой — предложите другую. Но ждать шесть недель мы не можем.

— Если сейчас заменить основу на первую доступную ткань, придется упростить саму конструкцию, — сказала я. — Мы спасем график и потеряем вещь. Мне нужен материал, который выдержит задуманный каркас, а не просто будет выглядеть прилично на вешалке.

— Хорошо. Что ты предлагаешь вместо складской замены? — Регина скрестила руки на груди. — Только не говори, что нам остается ждать новую поставку.

— Я предлагаю пойти вниз, — спокойно ответила я.

Регина нахмурилась:

— Куда вниз?

— В архивные хранилища «Аврора». Туда, где лежит ткань, которую никто не трогал последние десять лет.

В подвальных помещениях особняка пахло сухим кедром, лавандой и тяжелой ветошью.

Здесь, за массивными дубовыми дверями с латунными номерами, хранились остатки производственных запасов дома за три десятилетия его существования — так называемый архивный запас. Рулоны, снятые с производства, экспе-

риментальные отрезы, закупленные основателем дома Сергеем Петровичем для выставок в Париже и Милане, остатки лимитированных серий, которые когда-то сочли слишком сложными для потокового пошива.

Мы спустились втроем: я, Лена и Регина.

Свет тусклых ламп с трудом пробивал полумрак между высокими металлическими стеллажами. Каждый рулон здесь был упакован в плотную серую бумагу и запечатан сургучом с личным вензелем дома.

Я шла вдоль полок, снимая чехлы и касаясь полотна кончиками пальцев.

Тончайший шелковый муслин — слишком хрупкий для дневного блока. Советский винтажный драп — избыточно тяжелый, не даст нужной текучести в движении. Гладкий бархат — превратит строгий крой в театральный костюм.

И вдруг на нижнем ярусе дальнего стеллажа мой взгляд зацепился за длинный деревянный тубус, затянутый потемневшим от времени полотном.

Я опустилась на колени, стянула брезент и провела ладонью по обнажившейся ткани.

Это была необработанная шерсть с добавлением дикого шелка и льна — тяжелая, зернистая, плотного диагонального плетения, цвета некрашеного мокрого гранита. В ней не было глянцевого магазинной безупречности: в структуре нити виднелись микроскопические узелки, живая шероховатость и плотная, пружинящая упругость.

— Господи... — выдохнула Лена, опускаясь рядом со мной. — Это же партия сукна, которую Сергей Петрович привез из Шотландии для юбилейного показа двенадцать лет назад. Ручное прядение, натуральный краситель на коре дуба. Ее тогда отложили, потому что фабричные автоматы не смогли взять такую плотность — иглы ломались.

— Сколько здесь метров? — быстро спросила я.

Лена заглянула в прикрепленный к тубусу выцветший формуляр:

— Всего сорок пять. На всю коллекцию не хватит даже близко. Нам нужно минимум сто двадцать на двенадцать выходов.

— А нам и не нужно шить из нее все двенадцать образов целиком, — я поднялась на ноги, удерживая тяжелый край рулона.

Регина спустилась по ступенькам, подошла к нам и с откровенной брезгливостью посмотрела на темное, грубоватое полотно:

— Вы с ума сошли? Это же рогожка! Она жесткая, матовая, без единого намека на люкс! Мы шьем премьерную линию для европейского байера, а вы достаете из подвала обрезки двенадцатилетней давности, похожие на мешковину!

— Это не мешковина, Регина Сергеевна, — отрезала я. — Это фактура, которую невозможно подделать на синтетическом станке. Ее глубина видна с пяти метров.

Я повернулась к Лене:

— Мы смешаем этот архивный запас с нашей стандартной гладкой костюмной шерстью, которая есть на складе. Разделим силуэт на две материальные зоны. Конструктивный каркас — спинка, плечи, лацканы — пойдет из этой тяжелой зернистой шерсти. А динамичные элементы — драпировки, боковые клинья, внутренние шлицы — мы соберем из тонкого гладкого полотна.

— Соединить две разные по плотности и усадке ткани в одном жакете?! — Лена схватилась за голову, но в ее глазах уже загорелся азарт конструктора. — Ева, это же кошмар в раскрое! Каждую деталь придется стабилизировать вручную, дублировать клеевой разной жесткости и балансировать на манекене миллиметр в миллиметр, иначе вещь поведет после первой же влажно-тепловой обработки!

— Значит, мы стабилизируем каждую деталь вручную, — твердо сказала я. — Но взамен мы получим вещь, которую «Веритас» не сможет скопировать, даже если скупит все фабрики в Италии. Потому что этого материала больше нет в природе. Он существует только здесь, в сорока пяти метрах архива «Аврора».

— Это безумие, — холодно произнесла Регина. — Это будет выглядеть как лоскутное одеяло нищего. Я запрещаю уродовать центральный блок. Мы берем гладкую коммерческую базу.

— Снимите пробу, — раздался сверху спокойный мужской голос.

Мы все синхронно подняли головы.

На верхней площадке лестницы, прислонившись к перилам, стоял Марк Левицкий. На нем была та же темная рабочая куртка, в руке он держал неизменный бумажный стаканчик с кофе, а через плечо висел портативный экспонометр.

Он спустился вниз — неслышно, плавно, ступая тяжелыми ботинками по каменным ступеням. Подошел к развернутому рулону, присел на корточки и провел пальцами по зернистому срезу ткани.

— Гладкая костюмная шерсть средней ценовой категории под студийным импульсным светом выглядит как плоская серая стена, — произнес Марк, глядя на ткань, а не на нас. — Чтобы вытянуть из нее объем на снимке, мне придется задирать контраст и выжигать тени. В лукбуке это будет смотреться дешево.

Он поднял глаза на Регину:

— А у этого полотна сумасшедшая светопоглощаемость. Зерно дает микротени на изгибах. Если соединить его с гладким шелком на контрасте матового и глянца, в кадре появится глубина, за которую европейские журналы платят двойной тариф. Вещь будет выглядеть не бедной. Она будет выглядеть музейной.

Регина поджала губы, переводя взгляд с Марка на меня:

— Ты защищаешь ее, Левицкий?

— Я защищаю свои кадры, — сухо парировал Марк, поднимаясь на ноги. — Мне плевать на ваши внутренние спо-

ры о закупках. Но снимать плоскую дешевку из Люблино я не стану — это убьет визуальную концепцию на старте. Если Соколова сможет посадить эту фактуру на фигуру без пузырей — это будет победа. Если не сможет — на манекене будет висеть мешок, и виновата в этом будет она.

Он не стал спорить за меня. Он не пытался уговорить Регину ради жалости или романтического порыва. Он просто выложил на стол профессиональный аргумент, оставив всю тяжесть риска на моих плечах.

И именно это сделало его слова неопровержимыми.

Регина тяжело выдохнула. Ее взгляд метнулся к темному своду подвала, затем обратно к рулону:

— Три дня, Соколова. Ровно три дня на перепроектирование лекал и сборку первого комбинированного образца. Если на примерке в пятницу я увижу хоть один кривой шов или перекошенный бок — я лично выброшу этот рулон на помойку и заставлю вас шить из того, что привезет отдел закупок.

Она развернулась и зашагала вверх по лестнице, громко стуча каблуками по камню.

Следующие шесть часов превратились в производственный ад.

Мы подняли сорокапятиметровый рулон в цех на руках — он был тяжелым, как бревно сырого дуба.

Вся прежняя раскладка лекал, которую я вычерчивала в первые дни, полетела в мусорную корзину. Нам пришлось

на ходу менять матрицу материалов для четырех дневных образов.

Я стояла у раскройного стола с мелком в левой руке, перекраивая силуэт прямо по полотну.

Соединение двух принципиально разных материалов требовало ювелирной точности. Там, где тяжелое архивное сукно встречалось с гладкой шерстью, нельзя было сделать обычный стачной шов — он встал бы колом. Мы закладывали ступенчатую подрезку припусков, вручную проклеивали каждую кромку тончайшей бейкой и выводили стыки наружу, перекрывая их уже знакомым золотым металлизированным кантом.

К шести часам вечера мои пальцы саднило от жестких волокон льна, а плечи ныли от постоянного напряжения.

Но на центральном манекене в центре цеха уже обретал форму новый жакет.

Он выглядел монументально. Глубокий, зернистый матовый графит архивного сукна на полочке и плечах резко контрастировал с текучим, темным шелком боковых вставок. Золотой шов по линии соединения больше не казался аварийной заплаткой — он стал естественной, мощной границей между двумя стихиями, превращая вещь в доспех.

Лена Павлова отошла на три шага, вытирая пот со лба фартуком, и тихо выдохнула:

— Господи... Он же живой, Ева. Он дышит. Ни у кого в городе сейчас нет ничего похожего.

Я не успела ответить.

В кармане моих брюк завибрировал телефон.

Я достала аппарат, ожидая увидеть очередное распоряжение от пресс-службы или вызов к Ирине Бельской.

Но на экране высветилось уведомление из мессенджера с незнакомого номера.

Сообщение пришло от личного контакта начальника отдела продаж компании «Текстиль-Альянс» — того самого менеджера, который вел бронь «Аврора» последние три года и с которым я лично созванивалась в первый день.

Текст был коротким, неофициальным и явно отправленным в обход корпоративной почты:

«Ева Дмитриевна, добрый вечер. Пишу с личного, удалю через пять минут. Мне неудобно за сегодняшнюю ситуацию с бронью, но руководство надавило. Хочу, чтобы вы знали: люди из „Веритас“ пришли к нам не наугад. Они не просто спросили похожую шерсть. В их официальном запросе на выкуп стоял точный внутренний код вашего заказа из закрытой системы „Аврора“, оформленного всего двое суток назад. Этот код знали только несколько человек в дирекции. Будьте осторожны. Вас сливают изнутри».

Я замерла посреди гудящего цеха, глядя на светящиеся строчки.

Точный внутренний код нашего заказа.

Он не публиковался в тизерах. Его не было в эскизах, слитых в «Шелковый телеграф». Он был сформирован внутри

финансовой заявки, которая ушла на согласование в закрытый контур компании всего сорок восемь часов назад.

Предатель не просто подглядывал за нами через замочную скважину.

Он сидел за соседним столом, подписывал наши бумаги и методично продавал каждый наш шаг врагу.

Глава 7

Под окнами ателье заскрежетала разгрузочная тележка.

В девять утра курьерская служба внесла в раскройный цех четыре тяжелых картонных короба с маркировкой срочной доставки. Лена Павлова, не выпуская из зубов булавку, подошла к первой коробке с канцелярским ножом, вспорола скотч и откинула упаковочный пенопласт.

Я стояла у манекена, на котором висел вчерашний жакет из комбинированного сукна и шелка. Мы ждали ключевую фурнитуру: тяжелые литые латунные замки-слайдеры и матовые металлические пластины, которые должны были держать баланс распашной полочки и фиксировать открытый конструктивный стык. Без них сборку нельзя было завершить — полочка держалась только на технических нитках.

Лена опустила руку в коробку, достала маленький прозрачный пакет, и ее лицо мгновенно одеревенело.

— Ева... — тихо позвала она. — Подойди сюда.

Я подошла к столу.

На ладони главного технолога лежал дешевый штампованный замок из тонкого силумина — блестящий, кричаще-желтый, легкий как жестяная фольга от конфеты.

Я разорвала пакет, взяла замок в пальцы и слегка нажала на подвижный язычок. Тонкая пружина внутри хрустнула, фиксатор перекосило, и на полированной поверхности оста-

лась царапина от ногтя.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как в висках начинает пульсировать знакомый холод.

— Это фурнитура для дешевых пуховиков с оптового рынка, — голос Лены дрожал от с трудом сдерживаемой ярости. — Она штампованная, полая внутри. Если мы поставим этот силумин на наше сорокапятиметровое шотландское сукно, замок лопнет при первой же примерке. А если модель сделает резкий шаг, тяжелая шерсть просто вырвет его с мясом вместе с шелковой подкладкой.

Я заглянула в коробки. Все четыре ящика были доверху забиты сотнями таких же блестящих, невесомых желтых карабинов и хлипких кнопок.

— Где наш заказ из Милана? — спросила я. — Спецификация на литую матовую латунь ушла в отдел снабжения в понедельник.

— Накладная внутри, — Лена вытащила из бокового кармана коробки сложенный вчетверо лист бумаги с синей печатью.

Я развернула документ.

В графе «Поставщик» значилась неизвестная мне подмосковная фабрика металлогалантереи. А в графе «Основание поставки» стоял номер служебной записки с пометкой: «Внесение изменений в техническую спецификацию капсулы в связи с оптимизацией производственных расходов. Согласовано».

Внизу страницы, в поле электронного утверждения, красовался штамп цифровой подписи:

РУКОВОДИТЕЛЬ БРЕНДА: ОРЛОВСКАЯ Р. С. [СЕРТИФИКАТ ПОДТВЕРЖДЕН 17:42 ВЧЕРА]

Рядом стояла еще одна отметка:

ВЕДУЩИЙ ДИЗАЙНЕР: СОКОЛОВА Е. Д. [СОГЛАСОВАНО В ПАКЕТЕ]

Я смотрела на свою фамилию на бланке.

Вчера в семнадцать сорок два я стояла на коленях у раскройного стола, вручную совмещая клетку архивного сукна, и не подходила к компьютеру три часа подряд. Я не видела этой служебной записки. Я не открывала эту спецификацию. И я совершенно точно не ставила свою подпись под заказом силуминового мусора.

Я не побежала по коридорам с криками. Не стала устраивать сцену в приемной.

Я взяла накладную, положила один силуминовый замок в карман брюк и поднялась на третий этаж, в кабинет Регины.

Орловская сидела за столом перед раскрытым ноутбуком, разговаривая по громкой связи с главным редактором глянцевого издания:

— ...да, эксклюзивные права на первую полосу останутся за вами, если вы дадите разворот в ноябрьском номере. Мы покажем кадры бэкстейджа за три дня до приезда «Дюран»...

Я подошла к ее столу и молча опустила желтый штампо-

ванный карабин прямо на полированное стекло рядом с ее чашкой кофе.

Металл звякнул сухо и дешево.

Регина осеклась, бросила быстрый взгляд на карабин, затем на меня:

— Я перезвоню через пять минут, — бросила она в трубку и сбросила вызов. — Соколова, что за манеры? Я просила не входить без стука во время важных звонков.

— Вы подписали замену фурнитуры вчера вечером, Регина Сергеевна? — спросила я, глядя ей прямо в глаза.

Она нахмурилась, взяла силуминовый замок двумя пальцами, покрутила его перед глазами и с искренней безгловостью бросила обратно на стол:

— Что это за позолоченная жестянка? Откуда вы это притащили?

— Из цеха. Это привезли по нашему заказу на центральный дневной блок. В накладной стоит ваша электронная подпись.

Регина замерла. Ее брови медленно поползли вверх, а глаза сузились:

— Ты в своем уме? Я пиарщик, я не подписываю артикулы пуговиц и молний! Для этого есть снабжение и дизайнер!

— Но ваша цифровая подпись стоит в системе, — я положила распечатку на стол. — Вчера в семнадцать сорок две. И моя тоже — как согласованное приложение к вашему распоряжению.

Регина схватила лист, пробежала глазами по строчкам, и ее лицо вспыхнуло яростью:

— Это подделка! Я не открывала финансовые согласования вчера во второй половине дня, я была на встрече со спонсорами показа в «Метрополе»! Кто посмел поставить мой токен?!

Она вскочила из-за стола так резко, что тяжелое кожаное кресло отъехало к стене.

В ее реакции не было страха пойманного за руку виновника — только чистое, оскорбленное бешенство человека, чей статус использовали без спроса. Регина могла быть надменной, сложной и эгоистичной, но она не была идиоткой, чтобы собственноручно уничтожить капсулу дешевым силузином перед прессой.

— Идем к Бельской, — отчеканила Орловская, на ходу подхватывая накладную. — Немедленно.

В кабинете исполнительного директора стояла прохлада. Ирина Валерьевна сидела за рабочим столом, внимательно изучая электронный реестр корпоративного документооборота.

Рядом с ней стоял системный администратор Денис. Он быстро переключал вкладки системных журналов доступа, выводя на экран историю маршрутизации вчерашней заявки.

— Вот эта операция, — Денис указал курсором на строчку в таблице. — Заявка на закупку итальянской латуни бы-

ла создана Евой Дмитриевной в понедельник. Вчера в шестнадцать тридцать она поступила на финансовый контроль. Там ее статус изменили на «Корректировка номенклатуры». В семнадцать сорок один был прикреплен новый файл спецификации с подмосковной фабрикой.

— Кто прикрепил файл? — резко спросила Регина, нависая над столом.

— Заявка пришла через общий подрядный шлюз бухгалтерской службы, — ответил Денис. — Тот самый, через который внешние аудиторы проверяют сметы. Электронная подпись Регины Сергеевны была сгенерирована автоматически через процедуру группового пакетного согласования. Когда финансовый департамент утверждает оптимизацию расходов ниже определенного порога, система имеет право применить сертификат руководителя бренда без ввода дополнительного смс-кода, если стоит отметка «Плановая замена расходных материалов».

— Процедурная лазейка, — констатировала Ирина Бельская, откидываясь на спинку кресла. — Никто не взламывал ваш личный кабинет, Регина. Документ провели по стандартному финансовому регламенту сокращения издержек.

Дверь кабинета мягко отворилась, и в комнату неслышным шагом вошел Виктор Смолин.

Он выглядел безукоризненно: свежая сорочка цвета топленого молока, идеально завязанный шелковый галстук, золотые запонки, поблескивающие в манжетах. На его лице си-

яла мягкая, успокаивающая улыбка человека, готового разрешить любое мелкое недоразумение.

— Доброе утро, коллеги. Мне сказали, что в ателье возникло волнение по поводу утренней поставки?

Регина развернулась к нему, сжимая в руке лист накладной:

— Виктор Павлович! На каком основании ваша служба заменила утвержденную фурнитуру на этот кошмар и поставила под документом мою цифровую подпись?!

Смолин даже бровью не повел. Он подошел к столу, аккуратно снял очки, положил их на кожаную папку и посмотрел на Регину с легкой, отеческой укоризной:

— Регина Сергеевна, мы находимся в режиме жесткого финансового дефицита. Смета на капсулу трещит по швам. Итальянская литая латунь, которую запросила Ева Дмитриевна, стоила четыреста двадцать тысяч рублей за комплект. Подмосковный аналог обошелся компании в сорок пять тысяч. Разница — почти четыреста тысяч рублей чистой экономии для нашего резервного фонда. Моя обязанность как финансового директора — оптимизировать некритичные статьи расходов.

— Некритичные?! — я сделала шаг вперед, доставая из кармана силуминовый замок и с силой опуская его перед Смолиным. — Нажмите на язычок, Виктор Павлович. Своими пальцами.

Смолин опустил взгляд на деталь, но прикасаться к ней

не стал.

— Это техническая деталь, Ева Дмитриевна. Внешне она выглядит идентично — желтый металл, классическая форма замка.

— Это не желтый металл, это силумин, — мой голос звучал холодно и ровно. — Он ломается от нагрузки в три килограмма. Вес нашего жакета из архивного сукна — почти два килограмма в динамике. Если мы поставим эти замки, вещь рассыплется на манекене в первые тридцать секунд дефиле. Это не оптимизация. Это гарантированный срыв показа перед байерами.

Смолин слегка приподнял подбородок, и его вежливая улыбка стала чуть прохладнее:

— Вы драматизируете, Соколова. Мода — это искусство компромисса между эстетикой и бюджетом. Мы не можем позволить себе роскошь индивидуального литья в Милане, когда над компанией висит угроза банкротства. Вы должны учиться работать с доступными материалами, а не требовать музейных условий.

— Мы не будем работать с материалом, который разрушает конструкцию, — твердо сказала я.

Я повернулась к Ирине Бельской:

— Ирина Валерьевна, этот заказ должен быть аннулирован прямо сейчас. Мы возвращаем силумин на фабрику и заказываем оригинальную латунную фурнитуру со склада экспресс-доставкой.

Смолин покачал головой с глубоким, тяжелым вздохом:

— Срочный возврат и повторный заказ по экстренному тарифу обойдутся компании в потерю пятидесяти процентов депозита — это двести тысяч рублей штрафа. Плюс мы потеряем минимум полдня работы цеха, пока курьер привезет новую партию со склада официального дистрибьютора. Вы готовы взять на себя ответственность за прямой перерасход бюджета, Ева?

— Готова, — отрезала я. — Потому что двести тысяч рублей штрафа лучше, чем потеря контракта с «Дюран» на пятьдесят миллионов.

— И это еще не все, — добавила я, глядя прямо в глаза финансовому директору. — С сегодняшней минуты мы меняем регламент согласования любых производственных закупок. Никаких пакетных автоподписей через подрядный шлюз. На каждом документе, меняющем спецификацию хотя бы на один рубль или один артикул, должны стоять две физические подписи синими чернилами: моя и Регины Сергеевны. Если живой подписи на бумаге нет — бухгалтерия не имеет права проводить платеж.

Смолин прищурился. В его глазах на мгновение блеснула неприкрытая холодная сталь:

— Двойные физические согласования на каждую мелочь? Вы парализуете работу финансового контура, Ева Дмитриевна. Это дремучая бюрократия, которая замедлит компанию в самый критический момент.

— Зато ни одна крыса больше не сможет подсунуть нам силумин под чужой электронной подписью, — процедила Регина, глядя на Смолина с нескрываемым подозрением. — Я поддерживаю предложение Соколовой. Ирина Валерьевна, оформляйте приказ. Никаких платежей без наших личных автографов на бумаге.

Смолин медленно взял свои очки, аккуратно надел их и застегнул пуговицу пиджака.

— Как вам будет угодно, коллеги, — произнес он своим безупречным, мягким баритоном. — Но я зафиксирую этот инцидент в служебной записке для совета директоров: ведущий дизайнер по собственной инициативе сожгла двести тысяч рублей из операционного резерва и сорвала утреннюю смену ателье ради амбиций. Хорошего дня.

Он развернулся и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой массивную дверь.

К двум часам дня ателье снова вернулось к жизни.

Мы потеряли половину смены и солидную часть резервного фонда на штрафных санкциях за срочную переброску груза, но в половине третьего курьер доставил в цех нужные коробки.

Настоящая итальянская литая латунь — тяжелая, с благородным матовым блеском темного золота, идеально холодная на ощупь.

Лена Павлова лично взяла первый замок, вставила его в подготовленную планку на полочке жакета и с усилием за-

щелкнула фиксатор. Раздался плотный, глухой, надежный щелчок. Ткань натянулась струной, удерживая баланс сложного косого кроя. Ни малейшего перекоса. Ни единой лишней морщины.

— Держит, — выдохнула Лена, вытирая тыльной стороной ладони лоб. — Как влитой сидит, Ева. Теперь жакет можно отдавать на сборку подкладки.

Я стояла у раскройного стола, глядя на сияющий на полочке металл, но чувства облегчения не было.

В цех неслышно вошел Марк Левицкий. Он держал в руках штатив и планшет с графиком съемок на завтра. Остановился в двух шагах от манекена, скользнул взглядом по латунному замку, затем посмотрел на меня:

— Слышал про утренний цирк с силумином. Смолин уже разослал по дирекции копию служебной записки о перерасходе бюджета.

— Пусть рассылает, — сухо ответила я, не оборачиваясь. — Вещь собрана правильно.

— Правильно, — согласился Марк. — Только времени до предпоказа у нас стало на шесть часов меньше. Завтра в девять утра я жду этот жакет в павильоне под свет. Без опозданий.

Он не стал развивать разговор, не стал предлагать сочувствие и не стал комментировать действия финансовой службы. Он просто зафиксировал факт и пошел обратно к выходу, сохраняя ту самую выверенную, жесткую професси-

ональную дистанцию, которую я сама потребовала от него вчера.

В семь часов вечера, когда шум в цеху наконец утих и швеи разошлись по домам, я зашла в кабинет исполнительного директора, чтобы забрать подписанный реестр новых согласований.

Ирина Бельская сидела одна за столом, в полумраке, освещенная лишь экраном своего монитора. Перед ней лежали три распечатанных служебных отчета с красными пометками на полях.

Она подняла на меня глаза — усталые, темные, полные тяжелого аналитического холода.

— Садитесь, Ева, — тихо сказала Ирина, пододвигая ко мне кресло.

Я села напротив.

— Что-то еще пошло не так?

Ирина разложила перед собой три листа бумаги, выровнявая их края по линейке:

— Я сопоставила все три инцидента за эти шесть дней.

Она коснулась пальцем первого листа:

— Первый день. Повреждение файлов на сервере и удаление базовых спецификаций Воронова. Доступ был осуществлен через подрядный шлюз, который находится в ведении финансовой службы и внешнего аудита.

Она переместила палец на второй лист:

— Пятый день. Срыв брони на ткань в «Текстиль-Альян-

се». Конкуренты из «Веритас» пришли с точным внутренним кодом нашей заявки. Этот код существовал только внутри финансового поручения на оплату, которое двое суток лежало на согласовании в бухгалтерии.

Она указала на третий лист:

— Шестой день. Сегодняшняя подмена латуни на силумин. Документ был проведен через процедуру группового финансового контроля, с использованием автоматической генерации подписи Регины.

Ирина подняла на меня тяжелый, немигающий взгляд:

— Ни один из этих ударов не пришел с улицы, Ева. Ни один не был случайным сбоем оборудования или ошибкой закройщиц. Все три нити тянутся из одного-единственного узла нашей структуры — из финансово-подрядного контура.

— Смолин? — тихо спросила я, озвучивая то, что висело в воздухе с первого дня.

— У нас нет прямых улик против него лично, — осторожно, взвешивая каждое слово, ответила Бельская. — Он не нажимал кнопки сам. Заявки проводили рядовые операторы по регламенту, доступ к подрядным шлюзам имеют десятки сотрудников внешних аудиторов, а оптимизация расходов входит в его прямые должностные обязанности. Если мы сейчас пойдем к совету директоров с обвинениями против Смолина, нас поднимут на смех, а инвесторы потребуют нашей немедленной отставки за клевету.

Она аккуратно сложила три листа в прозрачный файл и

убрала его в нижний ящик стола:

— Но теперь мы точно знаем, где проходит маршрут утечки. И следующий шаг мы должны сделать так, чтобы заставить этот маршрут проявиться на бумаге с конкретным именем и фамилией.

Глава 8

Съемочный павильон «Аврора» напоминал раскаленный полигон перед генеральным смотром.

Воздух под кирпичными сводами цоколя прогрелся от десятка мощных импульсных моноблоков, пахло озоном, лаком для волос и крепким кофе из кейтеринговой зоны. На полу черной матовой лентой были размечены границы рабочей площадки. В центре стоял белый круговой подиум, над которым техники закрепили тяжелый трехметровый отражатель на стальных тросах.

Мы должны были отыграть потерянные вчера часы.

Регина Орловская стояла у режиссерского стола в темно-синем брючном костюме, не выпуская из рук телефон. Ее голос звенел от напряжения:

— ...да, мы отдадим превью дневного блока сегодня к восемнадцати ноль-ноль. Парижское бюро «Дюран» получит закрытую ссылку. Никаких сдвигов графика больше не будет.

Я стояла у рейла в зоне гримерных, проверяя комплектность образов перед выходом манекенщицы.

На плечиках висел готовый жакет из архивного шотландского сукна и графитового шелка с тяжелым латунным замком на полочке. Рядом — второй образ дневной четверки: асимметричное пальто-кейп с жесткой металлической кон-

струкцией ворота, удерживающей открытый латунный кант вдоль всей линии ключицы.

Марк Левицкий проверял синхронизаторы у центральной стойки. На нем был простой черный лонгслив, рукава закатаны до локтей, на шее висел ремень тяжелой камеры. Он двигался быстро, экономно, отдавая короткие команды ассистентам по свету:

— Заполняющий слева на треть ступени вниз. Контровой спот на правое плечо — жестче, мне нужен резкий блик по ребру металла, а не размазанное пятно. Даша, пять минут до первого прогона.

Высокая, смуглая Даша — манекенщица, открывавшая съемку, — вышла из-за ширмы, поправляя высокий ворот пальто.

Я машинально скользнула взглядом по посадке вещи в движении.

И внутри меня мгновенно сработал тревожный сигнал.

Пальто сидело не так, как мы закалывали его вчера на манекене в ателье. Жесткая латунная пластина ворота, которая должна была лежать на мягкой защитной кожаной подложке, сейчас упиралась прямо в обнаженную шею Даши. С каждым шагом девушки матовый металл врезался в кожу у сонной артерии, оставляя на бледной шее тонкую, воспаленную алую полосу.

— Даша, стой, — я шагнула к подиуму. — Где внутренний защитный воротник?

Модель остановилась, осторожно повернув голову:

— Какой воротник, Ева? Костюмеры сказали надевать прямо так. Сказали, что по новому листу отделку сняли для облегчения линии.

— Кто сказал?

— Старший ассистент по гардеробу, — Даша поморщилась от очередного укола металла. — В рабочем листе написано «динамический прогон без внутренней защиты». Мы сейчас будем снимать шаг в развороте на скорости.

Мое сердце пропустило удар.

Динамический разворот в тяжелом кейпе с открытой латунной кромкой без кожного демпфера. При резком повороте корпуса двухкилограммовое полотно дернет пластину вперед, и металл просто распорет кожу на шее модели до крови.

Я подошла к стойке костюмеров и выдернула из пластикового планшета рабочий лист смены — так называемый рабочий лист, по которому гримеры и ассистенты одевали моделей.

На листе стояла сегодняшняя дата и крупная шапка: **СЪЕМОЧНЫЙ ПРОТОКОЛ: ДЕНЬ 7. ОБРАЗ 02/12.**

В графе «Технические особенности» жирным шрифтом было напечатано:

«Внутренний кожаный протектор исключен из комплектации по требованию ведущего дизайнера. Фиксация ворота — прямая, на открытое тело. Съемка в динамике: прыжок,

разворот на 180 градусов».

Внизу стоял типографский штамп согласования:

СОГЛАСОВАНО: СОКОЛОВА Е. Д. [ПОДТВЕРЖДЕНО СИСТЕМОЙ]

Это был не мой рабочий лист.

В моем паспорте образца, подписанном синей ручкой и запертом в ателье, черным по белому значилось: «Съемка допускается исключительно в статике до проведения теста на истирание кожи либо строго с защитной подложкой».

Кто-то подменил распечатку на посту костюмеров сегодня утром, пока группа настраивала свет.

— Даша, на подиум! — крикнула Регина от режиссерского стола, не глядя на нас. — Марк, начинаем серию! Времени до обеденного слота полчаса!

Модель сделала шаг на белый круг.

— СТОП СЪЕМКА! — мой голос хлестнул по павильону, перекрывая гул вентиляторов и музыку в мониторах. — Всем оставаться на местах!

Музыка резко оборвалась. Ассистенты замерли со световыми панелями в руках.

Регина медленно опустила телефон, и на ее лице проступили багровые пятна:

— Соколова, ты в своем уме?! Что ты орешь на площадке?!

— Снимите вещь с модели, — я подошла к подиуму, вставая между Дашей и объективом Марка. — Немедленно рас-

стегните плечевые замки.

Регина в два шага преодолела разделявшее нас расстояние.

— Почему стоп? У нас оплаченный слот и превью для «Дюран» сегодня.

— Этот образ небезопасен, — я показала ей подмененный лист. — Посмотрите на шею Даши. Кто-то убрал защитную подложку и прописал динамическую съемку. На развороте металлическая кромка пойдет по коже.

Регина наконец посмотрела на красную полосу и коротко выругалась.

— Сколько нужно, чтобы вернуть защиту?

— Около получаса на доработку и повторную проверку.

— Полчаса у нас нет, — резко сказала Регина. — Но травма модели обойдется дороже. Марк, останавливаем площадку до проверки.

Даша растерянно посмотрела на меня, затем на Регину, попыталась поднять подбородок и тихо охнула — металл снова впился в кожу.

Вокруг подиума повисла удушливая, липкая тишина. Ассистенты переглядывались, стилисты опустили кисти. Все ждали, кто сломается первым.

И в этот момент посреди тишины раздался громкий, отчетливый щелчок тумблера.

Один за другим вспыхнули и с сухим треском погасли пилотные лампы на всех четырех стойках центрального света.

Павильон погрузился в полумрак дежурного освещения.

Марк Левицкий опустил камеру на ремне, подошел к главному распределительному щиту и выдернул силовой кабель генератора из розетки.

— Левицкий! — взвизгнула Регина, оборачиваясь к нему.
— Ты что творишь?!

Марк неторопливо подошел к подиуму, взял из моих рук фальшивый рабочий лист, пробежал по нему глазами и скомкал в кулаке.

— Съемка остановлена по техническим причинам, — произнес он своим сухим, негромким голосом, от которого в павильоне стало еще холоднее. — Несоответствие съемочного протокола нормам физической безопасности.

— Каким еще нормам?! — Регина подскочила к нему вплотную. — Ты сорвал аренду павильона! Твой контракт обязывает тебя снимать по графику заказчика!

— В этом виде я не снимаю, — сказал Марк. — Если крепление режет кожу уже на шаге, в динамике риск выше.

Регина посмотрела на погасшие стойки и выдохнула сквозь зубы:

— Ты понимаешь цену простоя? Нам придется двигать отправку превью и объяснять финансовой службе потерянный слот.

— Зафиксируйте перенос по требованию фотографа для устранения риска, — ответил Марк. — Простой спишите из моего постановочного бюджета.

Он повернулся к ассистентам:

— Снять кейп с модели. Дашу в гримерку, обработать шею антисептиком. Перерыв сорок минут. Ждем доработанный образец из ателье.

Регина еще раз посмотрела на шею Даши и коротко кивнула.

— Как только защита будет на месте, возвращаемся в график. Я сама предупрежу пресс-службу о сдвиге.

Она развернулась и быстрым шагом вышла из павильона, уже набирая номер помощницы.

В павильоне началась сдержанная рабочая суета. Техники сматывали кабели, гример увел Дашу, а я осторожно сняла тяжелый кейп с вешалки, прижимая его к груди.

Марк стоял у режиссерского стола, убирая запасные объемы в кофр.

Я подошла к нему.

— Зачем ты взял штраф на себя? — спросила я, глядя ему прямо в лицо.

Марк застегнул молнию на чехле, поднял голову и посмотрел на меня своими нечитаемыми серыми глазами:

— Потому что Смолин только и ждет повода повесить прямой финансовый убыток на тебя. Если бы задержку оформили как ошибку дизайнера, он списал бы штраф из бюджета капсулы и вынес вопрос о твоём увольнении на вечерний комитет. А мой контракт защищен юристами. Он поскрипит зубами, но деньги заберет из статьи непредвиден-

ных расходов продакшна.

В его словах не было позерства. Только холодный, точный расчет человека, который знал, как работает эта система, и умел принимать удары на себя, когда это было необходимо.

— Я не просила тебя спасти меня, Марк, — негромко сказала я.

— Я спасал не тебя, Соколова, — сухо ответил он, закидывая ремень кофра на плечо. — Я спасал шею девчонки и свои кадры. Но если ты не принесешь мне этот воротник с нормальной кожаной защитой через сорок минут — второй раз я свет гасить не стану. У нас останется ровно два часа до закрытия слота.

— Он будет готов через тридцать минут, — ответила я.

Мы смотрели друг на друга секунду — без лишних слов, без благодарностей и без иллюзий. Между нами все еще стояла тень украденной полтора года назад коллекции и его тогдашнего молчания. Но сейчас, в настоящем времени, он впервые заплатил собственными деньгами и репутацией за то, чтобы не допустить катастрофы на площадке.

Я развернулась и побежала вверх по лестнице в ателье.

К часу дня образ был спасен.

Мы с Леной Павловой за двадцать минут вручную вшили под латунную кромку двойной слой тончайшей мягкой замши из архивных остатков, полностью закрыв острый край металла.

Повторная съемка прошла как по нотам. Даша двигалась

свободно, кейп взлетал темным шелковым крылом при каждом повороте, а золотой металлический кант горел под контовым лучом Марка резкой, агрессивной линией силы, не причиняя модели ни малейшего вреда.

В три часа дня превью дневного блока ушло по закрытому защищенному каналу в парижский офис «Дюран». Первый этап был закрыт.

Я сидела в своем кабинете на четвертом этаже, чувствуя, как пульсирует тупая боль в висках от усталости. На столе лежала папка с оригиналом подмененного рабочего листа — Ирина Бельская уже забрала копию для внутреннего расследования службы безопасности.

Было почти четыре часа дня, когда дверь моего кабинета без стука распахнулась.

На пороге стояла Регина. Ее лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели, а в руке она держала включенный смартфон.

— Ты видела? — глухо спросила она, даже не пытаясь повысить голос.

— Что видела?

Она молча подошла к столу и бросила телефон передо мной на сукно.

Экран показывал видеоролик в популярном городском Telegram-канале с полумиллионной аудиторией. Заголовок над видео мигал красным:

СКАНДАЛ В AURORA: НОВЫЙ ДИЗАЙНЕР УСТРАИ-

ВАЕТ ИСТЕРИКИ И СРЫВАЕТ СЪЕМКИ ПЕРЕД МЕЖДУНАРОДНЫМИ БАЙЕРАМИ

Я нажала на воспроизведение.

На экране появилось видео, снятое на камеру смартфона из темного угла павильона — судя по ракурсу, кем-то из младших ассистентов или технических рабочих.

Видео было виртуозно, грязно смонтировано.

На нем не было видно разрезанной шеи Даши. Не было видно острого края металла и подмененного листа.

В кадре была только я — крупным планом, с перекошенным лицом, кричащая на весь зал: «СТОП СЪЕМКА! Снимите с нее вещь немедленно! Я запрещаю съемку!»

Затем склейка — и Регина, пытающаяся успокоить меня, и я, агрессивно наступающая на модель, и Марк, вынужденно вырубающий свет посреди всеобщей паники.

Звуковая дорожка была зачищена от объяснений про безопасность, оставив только мои резкие, истеричные выкрики.

А под роликом уже бежали сотни комментариев:

«Кого они наняли? Неадекватная баба с манией величия»

«Бедная модель, она чуть не плачет»

«Аврора окончательно пробила дно. Сначала плагиат у Морозова, теперь истерички на площадке. Закрывайте эту богадельню»

«Смолин прав, бренд нужно срочно продавать „Веритас“, пока они не угробили людей»

Я подняла глаза на Регину.

Информационная война перестала быть тихой кабинетной возней.

Теперь удар был публичным — на глазах у всей индустрии и байеров «Дюран».

Глава 9

Телефон на прикроватной тумбочке вибрировал без остановки, как потревоженное осиное гнездо.

С пяти утра на экран сыпались десятки уведомлений, запросы на добавление в контакты, сообщения от людей, с которыми я не общалась годами. Все они присылали одну и ту же ссылку на пятнадцатисекундный ролик.

К восьми утра видео разошлось по тридцати крупным Telegram-каналам, перевалило за миллион просмотров и попало в утренний дайджест отраслевого издания The Fashion Insider. Заголовок не оставлял пространства для сомнений: «Скандал в доме „Аврора“: истерика на съемках как финал эпохи Орловского».

В девять ноль-ноль я переступила порог кабинета генеральной дирекции на третьем этаже.

Здесь пахло перегретой бумагой из копировального аппарата и крепким эспрессо. Жалюзи на окнах были опущены, отсекая серый утренний свет.

За овальным столом уже сидели все.

Регина стояла у стены, сжимая в руках распечатки утренней аналитики. На ней был безупречный черный смокинг, но бледность лица и резкие движения выдавали крайнюю степень нервного истощения.

Справа от нее расположился Виктор Смолин. Финансо-

вый директор выглядел, напротив, идеально собранным и спокойным. Он не спеша размешивал ложечкой кофе в фарфоровой чашке, а перед ним лежала тонкая папка с подготовленным проектом кадрового приказа.

Ирина Бельская сидела во главе стола с телефонной трубкой у уха, слушая очередного разъяренного представителя спонсорского пула.

— ...мы выпустим официальную позицию в течение двух часов, — холодно произнесла Ирина и опустила трубку на базу.

Она подняла глаза на меня. В ее взгляде не было злости — только тяжелый операционный расчет человека, чей бизнес горит с четырех углов одновременно.

— Проходите, Ева Дмитриевна. Мы как раз обсуждаем размер катастрофы.

— Это не катастрофа, — мягко вмешался Смолин, промокнув губы салфеткой. — Это закономерный кризис управляемости. За последние четыре часа индекс репутационной токсичности бренда вырос на сорок пунктов. Парижский офис «Дюран» запросил экстренный звонок на одиннадцать утра. Французы крайне чувствительны к теме абыюза на съемочных площадках и нарушению трудовой этики.

Он придвинул папку к Регине:

— Решение лежит на поверхности, Регина Сергеевна. Нам необходимо срочно дистанцировать бренд от источника скандала. Мы выпускаем пресс-релиз о том, что госпожа Со-

колова была привлечена исключительно как временный консультант на испытательный срок, не справилась с нагрузкой и с сегодняшнего дня отстранена от любых производственных процессов.

Регина нервно дернула плечом, глядя на бумаги.

Я видела, как в ней боролись страх перед публичным позором и желание разрубить узел самым простым, привычным для пиарщика способом — принести в жертву слабого.

— Если мы подпишем это, мы признаем, что наняли неуравновешенного человека, — тихо сказала Регина.

— Зато мы спасем лицо семьи, — вкрадчиво парировал Смолин. — Ошибка в найме случается у всех. Главное — быстро ее исправить. Мы вернем проверенную архивную базу, поручим доработку штатным конструкторам и покажем совету директоров, что «Аврора» способна купировать риски.

— Это ложь, и вы это знаете, Виктор Павлович.

Я шагнула к столу, положив ладони на прохладное дерево. Смолин вежливо улыбнулся:

— Факты жестоки, Ева. На видео отчетливо видно, как вы кричите, срываете работу студии и требуете раздеть модель прямо в кадре. Публике плевать на ваши внутренние мотивы. Публика видит агрессию и хаос.

— Публика видит то, что ей подсунул монтажер, — отрезала я. — Ролик обрезан ровно на той секунде, где я показываю латунный воротник. Из звуковой дорожки вычищены

слова об опасности травмы.

— И как вы собираетесь это доказать? — Регина резко повернулась ко мне, и ее голос дрогнул. — Выйти в соцсети и написать простыню текста: «Меня подставили, на самом деле все было не так»? Вы понимаете, как это выглядит со стороны? Как жалкий лепет пойманного с поличным дилетанта! Ни одно крупное медиа не станет читать наши оправдания. Нас уже разорвали на цитаты!

— Оправдываться мы не будем, — твердо сказала я. — Мы покажем исходник.

В кабинете повисла тишина.

Ирина Бельская слегка прищурилась:

— У нас есть полная видеозапись инцидента?

— Студийная контрольная камера Марка Левицкого пишет таймлапс и техническое видео каждого съемочного дубля со звуком. У него есть исходная запись без единой склейки. От момента, когда Даша встала на подиум, до момента, когда Марк обесточил студию. На ней отчетливо слышен звук врезающегося в кожу металла, видны следы на шее модели и зафиксирован наш спор о безопасности.

Регина покачала головой, скептически скрестив руки на груди:

— Ну и что? Публикация внутренней рабочей съемки со следами крови на модели? Это добьет нас окончательно! Профсоюз моделей затаскает нас по проверкам! Без согласия самой Даши мы не имеем права выкладывать кадры ее

травмы. А она лицо агентства Model Management — ее менеджеры запретят ей влезать в наш скандал, чтобы не портить портфолио.

— Дайте мне двадцать минут, — сказала я, глядя прямо на Регину. — Я поговорю с Дашей. Если она даст официальное письменное согласие — мы выпускаем контрудар. Если нет — можете подписывать приказ о моем увольнении.

Регина посмотрела на часы на запястье. Стрелки показывали девять двадцать.

— До десяти ноль-ноль, Соколова. Ни минутой позже.

Даша сидела в пустой примерной на цокольном этаже, укутавшись в большой серый махровый халат. На столике перед зеркалом стояла нетронутая чашка чая, а на ее бледной шее виднелась тонкая, аккуратно обработанная мазью царапина, заклеенная телесным пластырем.

Она не листала телефон. Она просто смотрела в зеркало — испуганная двадцатилетняя девчонка, чье имя за одно утро превратилось в хэштег главного модного скандала недели.

Я тихо прикрыла за собой дверь и села на соседний табурет.

— Привет, Даша.

Она вздрогнула, повернула голову и нервно сжала пояс халата:

— Ева... Мне агент звонил. Сказал сидеть тихо, не давать комментариев и ждать, пока «Аврора» выпустит опроверже-

ние. Сказал, что если я влезу, меня снимут с показов в Милане...

— Твой агент защищает свои коммиссионные, — негромко произнесла я, не пытаясь давить на нее или манипулировать. — Это его работа. А моя работа — убедиться, что ты сможешь ходить по подиуму здоровой.

Даша опустила глаза на свои пальцы.

— Я видела ролик в сети, — продолжила я. — Там все вывернуто наизнанку. Тебя выставили жертвой произвола, меня — психопаткой, а дом «Аврора» — фабрикой унижений. Но ты знаешь, что произошло на самом деле. Если бы мы сняли тот дубль в динамике, этот латунный край распорол бы тебе кожу до вены.

— Я знаю, — глухо отозвалась девушка. — Когда вы крикнули «стоп», мне показалось, что вы сошли с ума. А потом, когда в примерке сняли пальто... Там на замше остался след. Металл был заточен как бритва.

— Мы можем закрыть эту историю прямо сейчас, — я достала из кармана сложенный бланк согласия на публикацию архивных материалов со съемки. — Но для этого мне нужна твоя подпись. Мы опубликуем полный фрагмент видео. Покажем крупный план крепления, покажем, почему съемка была остановлена, и приложим твое личное заявление: ведущий дизайнер остановил работу ради безопасности модели.

Даша испуганно посмотрела на бумагу:

— Но агент...

— Твой агент не стоял под софитами с открытым лезвием на шее, — я посмотрела ей прямо в глаза. — Если ты промолчишь, они сделают вид, что ничего не было. А через полгода другой дизайнер в другом бренде ради красивого кадра наденет на тебя небезопасную конструкцию, потому что будет знать: модели всегда молчат. Твой выбор — быть жертвой из скандального ролика или профессионалом, который публично защищает стандарты безопасности.

Даша долго смотрела на бланк. В комнате было слышно, как мерно капает вода в раковине за ширмой.

Затем она протянула руку к столу, взяла косметический карандаш, заменила его на ручку и твердым, уверенным росчерком поставила подпись внизу листа:

— Где исходное видео?

В девять сорок пять я вернулась в кабинет дирекции и положила подписанный документ на стол перед Региной.

Следом за мной в комнату вошел Марк Левицкий. Он молча подключил свой ноутбук к большому презентационному экрану на стене и нажал кнопку воспроизведения.

На экране появилось видео высокого разрешения.

Звук был кристально чистым. На тридцатой секунде записи камера зафиксировала крупный план: бледная шея Даши, острый угол латунной пластины без замшевой подложки, мой голос, требующий остановить работу, и четкий ответ Марка: «Съемка остановлена по техническим причинам. Несоответствие протокола нормам физической безопасно-

сти».

Смолин помрачнел, глядя на экран. Его идеальный план списания меня в утиль таял на глазах.

Регина медленно поднялась с кресла. Ее глаза вспыхнули. В этот момент в ней окончательно проснулся тот самый перwokлассный, безжалостный пиарщик, который сделал ее имя известным в столичном глянце.

Она поняла: перед ней не повод для защиты. Перед ней — сокрушительное оружие.

— Оставьте нас, — бросила Регина в сторону Смолина и ассистентов. — Виктор Павлович, ваш проект приказа больше не требуется.

Смолин молча забрал свою папку, окинул нас холодным взглядом и вышел из кабинета, не проронив ни слова.

Регина повернулась к нам с Марком, ее пальцы уже летали по клавиатуре смартфона:

— Мы не будем выпускать скучное опровержение. Мы сделаем из этого манифест.

Она подошла к экрану, указывая на кадры:

— Мы запускаем специальный видеорелиз в официальных каналах «Аврора» и личных аккаунтах. Формат — сопоставление. Слева — смонтированная грязь из анонимных каналов с плашкой «Фейк». Справа — полный студийный исходник с таймкодами и звуком.

Она посмотрела на меня, и в ее тоне впервые за все время прозвучало профессиональное уважение:

— Мы дадим заголовок: «Аврора выбирает людей, а не глянец любой ценой. Почему наш ведущий дизайнер оставил съемку за двести тысяч рублей». Мы развернем нарратив на сто восемьдесят градусов. Это не истерика новенькой. Это бескомпромиссная этика нового руководства дома. Мы покажем индустрии, что в доме «Аврора» безопасность человека стоит выше красивой картинки. К тексту прикрепляем комментарий Даши: «Спасибо Еве Соколовой за профессионализм и защиту».

Марк коротко усмехнулся:

— Сильный ход. Европейские байеры такое обожают. Это попадает во всю текущую повестку ответственного кутюра.

— Марк, мне нужен чистый монтаж с плашками через пятнадцать минут, — скомандовала Регина. — Ирина Валерьевна, свяжитесь с пулом наших лояльных редакторов. Эксклюзив уходит в Vogue и Коммерсантъ Стиль одновременно с публикацией. Работаем!

Контрудар был нанесен ровно в десять сорок.

Эффект превзошел самые смелые ожидания.

Когда официальный канал «Аврора» опубликовал полный хронометраж с комментарием модели и жестким заявлением Регины, инфополе взорвалось во второй раз — но теперь волна покатилась в обратную сторону.

Те же самые каналы, которые утром клеймили меня истеричкой, начали спешно удалять посты или выпускать апдейты с извинениями.

«Неожиданный поворот в скандале с „Аврора“: опубликован полный исходник видео. Дизайнер Ева Соколова буквально спасла модель от серьезной травмы из-за технического брака фурнитуры. Редкий пример профессиональной принципиальности в нашем глянце».

«Регина Орловская показала мастер-класс антикризисного пиара. „Аврора“ перезапускается с новой этикой».

«Кто стоял за грязным сливом обрезанного ролика? Кому выгодно топить команду Соколовой?»

К двенадцати часам дня на почту Ирины Бельской пришло короткое официальное письмо из Парижа от секретариата Клары Мартен.

«Уважаемое руководство дома „Аврора“. Закупочная команда „Дюран“ ознакомилась с разъяснениями относительно инцидента на съемках. Мы высоко ценим приверженность вашего ведущего дизайнера стандартам производственной безопасности и подтверждаем сохранение рабочего графика закрытого предпоказа. Ждем обновленные превью образов согласно графику».

Мы удержали позицию. «Дюран» не снял нас с дистанции. Но стоя у окна в ателье и глядя на сотни упоминаний своего имени в сети, я понимала, какую цену мне пришлось заплатить за эту победу.

Я больше не была незаметным наемным конструктором, тихо работающим в тени чужого бренда.

Мое лицо, мое имя и моя профессиональная репутация

теперь были намертво привязаны к перезапуску «Аврора». Рынок узнал меня. И если через двадцать два дня коллекция провалится, этот провал станет моим личным, публичным некрологом.

В четыре часа дня меня вызвали в кабинет службы безопасности.

Ирина Бельская сидела рядом с аналитиком службы безопасности.

— Мы нашли агентство, которое организовало первый разгон ролика, — сказала Ирина. — «Импульс-Медиа». Они давно ведут кампании для одного крупного клиента.

— Удалось выйти на заказчика? — спросила я.

На экране была карточка агентства и действующий договор на сопровождение.

— Их постоянный клиент — «Веритас», — сказал аналитик. — Этого достаточно, чтобы говорить о связи атаки с контуром конкурента. Но кто именно дал команду и оплатил этот конкретный запуск, по этим документам не видно.

На экране высветился логотип «Веритаса».

Связь была слишком прямой, чтобы считать её случайностью, но имени заказчика у нас всё ещё не было.

— Завтра вечером в Гостином Дворе открывается закрытый форум лидеров модной индустрии, — сказала Ирина, закрывая ноутбук. — Там будут инвесторы, пресса и руководство «Веритаса». Кирилл Морозов заявлен спикером главной панели.

Ирина закрыла ноутбук и посмотрела на меня:

— Вы приглашены как ведущий дизайнер «Аврора», Ева.

И он знает, что вы там будете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.